Лавинный сезон

Склон не торгуется

Белла Романова

Белла Романова

Лавинный сезон

«Автор»
2026

Романова Б.

Лавинный сезон / Б. Романова — «Автор», 2026

Восемь лет назад лавина на склоне Шаманки забрала брата Даши Ланской, а человек, которого она любила, исчез за одну ночь. Теперь Илья Корнеев возвращается архитектором курорта на том самом конусе выноса, а Даша — единственный специалист, чья подпись решает, будет ли он построен. Она готова ответить склону «нет». Но у каждого в посёлке своя версия той зимы, и правду знает не один человек.

© Романова Б., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Белое на белом 5
Глава 2. Колено 11
Глава 3. Берёзка 17
Глава 4. Измерить крышу 21
Глава 5. Пять пар лыж 26
Глава 6. Лисий поворот 32
Глава 7. Тридцать первое 37
Глава 8. Шурф 43
Конец ознакомительного фрагмента. 45

Белла Романова
Лавинный сезон

Глава 1. Белое на белом

Снег выпал в ночь на третье декабря и впервые за осень не стаял к полудню. Он лёг на конус выноса под Шаманкой ровно, без проплешин. Затянул старые валуны, сухие дудки борщевика, ржавый уголок от кошары, которую снесло в четвёртом году. Сверху склон теперь походил на скатерть, которую расстелили и забыли разгладить.

Даша стояла у нижнего края конуса, спиной к посёлку. Ветер тянул с перевала, с северо-запада, ровно, метров пять в секунду, и нёс над снегом мелкую сухую крупу. Она стянула перчатку, подняла ладонь, подержала и надела перчатку обратно.

Буран сидел у её левой ноги неподвижно. Против света белый пёс на белом пропадал совсем: оставались чёрный нос, два тёмных глаза и пар над пастью. Оранжевую шлейку Даша выбрала не для красоты.

— Скала, Ланская. Начинаю учебный поиск на конусе, один условный. Десять сорок две.

Рация на лямке щёлкнула, зашипела. Голос Палыча пришёл с опозданием, будто из колодца:

— Кхе. Принял, Дашенька. Десять сорок две. Ты Тимура там не заморозь, у него девки.

— У него датчик и рация. Конец связи.

Тимура она закопала сорок минут назад. Пещеру он вырыл утром сам, в надуве у подножия старого вала: полтора метра снега над головой, пенка, отдушина вбок. Даша проверила отдушину. Проверила, что его датчик стоит на передаче, а рация на приёме. Заставила его дважды повторить условный сигнал «выхожу сам». Тимур повторил, сбив шапку набок, и попросил, если его съест медведь, чтобы Буран хотя бы нашёл кости. Потом она заложила вход блоками, затёрла следы лопатой и ушла к краю конуса широкой дугой, чтобы её собственный запах лёг подальше.

Снег был молодой, рыхлый, он скрипел под ботинками. Через пару недель он осядет и начнёт перекристаллизовываться снизу, у земли, и тогда пойдёт другой разговор. Пока это была просто зима.

— Буран. Ищи.

Пёс сорвался не вверх, а поперёк склона, так и было нужно. Он пошёл галсами, перпендикулярно ветру, ловил носом то, что несло с конуса, а Даша шла следом метрах в двадцати и не торопилась. Не звать. Не показывать рукой. Собака, которую водят за руку, на настоящем завале станет искать руку.

Первый галс Буран прошёл пустым. На втором сбавил ход, задрал морду, вернулся на три шага и сменил направление. Даша остановилась.

Теперь он забирал вверх, против ветра, и зигзаги становились всё короче. Хвост поднялся флагом. Пёс перешёл с бега на шаг, широко ставя лапы и ведя носом почти по снегу. Потом встал над ровным местом, где не было ни бугра, ни следа, и гавкнул коротко, низко. Ещё раз. И начал рыть передними лапами, взахлёб, швыряя снег назад между задними.

Даша посмотрела на часы. Три минуты сорок секунд.

Она подошла, на ходу собирая щуп. Первый укол в метре от собаки, перпендикулярно склону, ушёл в пустоту. Второй тоже. На третьем щуп мягко упёрся во что-то, что не было ни камнем, ни льдом.

— Ай, — глухо сказал снег. — Это была почка.

— Почку пришьют.

Она сняла лопату с рюкзака.

Копала она так, как учила других: не в лоб, а ступенькой, от себя вниз по склону, отбрасывая снег в сторону, а не на голову. Буран мешал. Он лез под лопату мордой, совал нос в каждый новый слой и подвывал от нетерпения. Даша отодвигала его коленом и не ругала: сейчас он работал так, как надо, и ругать было не за что.

На втором блоке из снега показалась рукавица, потом шапка, а под шапкой красное, довольное лицо.

— Время? — спросил Тимур, щурясь на свет.

— Три сорок до сигнала. Шесть двадцать до тебя.

— Долго копаешь. Я тут уже стихи начал сочинять.

— Вылезай.

Он выбрался на локтях, отряхнулся и сразу сел в снег: Буран ткнулся ему в грудь всей мордой. Даша вынула из кармана резиновый жгут с узлом и бросила. Пёс поймал его на лету, мотнул головой и зарычал. Весь смысл поиска для Бурана был вот в этом: в жгуте, в рычании, в её руке на другом конце.

Тимур смотрел, как они тянут жгут, и отряхивал шапку о колено.

— Хороший он у тебя. Ветер правильно взял, я слышал. Ходил поперёк, как по линейке.

— Ветер удобный. На завале таким не будет.

— На завале ничего удобным не будет, Даш. Это я тебе как труп говорю.

Она забрала у пса жгут, сунула в карман и опустилась на корточки у ямы. Провела перчаткой по срезу стенки. Сверху лежало сантиметров сорок свежего, ниже шёл плотный ветровой надув, твёрдый, как доска, а у самой земли рука провалилась в рыхлое, будто в сахар.

— Видишь?

Тимур наклонился.

— Рано ещё.

— Рано. А в январе будет поздно.

Рация на её лямке прохрипела раньше, чем он ответил.

— Всем, кто на частоте, Скала. Кхе. Всем свободным от дежурства. Начальник отряда приказал быть в ДК «Алтай» к двенадцати. Презентация. Инвестор. Повторяю, к двенадцати, все.

Даша нажала тангенту.

— Скала, Ланская. Я на учебной работе.

— Знаю, что на учебной, Дашенька. Он сказал: все. И тебя особо, кхе. Сказал — Ланскую в первую очередь.

— Кто сказал?

Палыч помолчал. В рации шипело, как в чайнике.

— Ну кто у нас говорит. Виктор Андреевич.

— Принято.

Тимур уже скатывал пенку.

— Это которые с канаткой. Говорят, целый автобус из Новосибирска пригнали, с проектором. Зоя Петровна вчера архитектора к себе на постой взяла, бегала по посёлку, хвасталась.

— Какого архитектора?

— А я знаю? Говорит, худой, с тубусом.

Даша пристегнула лопату к рюкзаку и подтянула стропу. Потом ещё раз.

— Поехали. До двенадцати час.

— Ты переодеться не успеешь.

— Не успею.

Уазик стоял у моста через Ак-Суу. Буран запрыгнул на заднее сиденье сам, лёг на брезент и сразу запахло мокрой псиной, соляркой, старым кожзамом. Печка гнала горячий воздух в колени, стёкла запотели изнутри, и Даша протёрла лобовое рукавом. Над посёлком висели дымы: прямые, тонкие, из каждой трубы. Значит, к вечеру подморозит.

Шаманка в зеркале заднего вида становилась меньше, но выше уже не становилась. Цирк под гребнем был белый сверху донизу, ни одного выхода скал, ровный, как простыня.

— Красиво, — сказал Тимур.

— Да.

— Ты сейчас сказала «да», как будто я тебе в суп плюнул.

Она не ответила, переключила передачу. Тимур пожал плечами, сдвинул шапку на другое ухо и до самого ДК больше ничего не говорил.

ДК «Алтай» построили в семьдесят девятом, вместе с отрядом и школой, из того же красного кирпича. С тех пор его перекрашивали дважды: в зелёный и в жёлтый. Зелёный пробивался сквозь жёлтый на колоннах, как старый синяк. На фасаде висела новая растяжка, белая, во всю ширину: «Алтайские врата. Курорт, который откроет Алтай миру». Под растяжкой курили водители, приехавшие с гостями, в одинаковых чёрных куртках.

Буран остался в машине. Даша вошла в фойе в чём была: в служебной куртке с потёртыми рукавами, в тяжёлых ботинках, с налипшим на штанины снегом. Снег сразу начал таять, и за ней на линолеуме оставалась мокрая дорожка.

В зале было битком. Пахло пылью от бархатных кулис, мокрыми валенками, духами Зимины. Батареи под окнами жарили так, что окна заплакали, и все сидели в расстёгнутых пуховиках, держа шапки на коленях. Зоя Петровна в третьем ряду, в платке цвета яичного желтка, обернулась первой, помахала и приложила палец к губам: тихо, мол, начали. Глава района Лидия Аркадьевна Зимина сидела в первом ряду, прямая, очки на цепочке. Рядом с ней пустовало кресло с табличкой.

Даша не стала искать место и встала у стены сбоку, там, где кончались ряды. Отсюда было видно всё: сцену, проектор, белый экран и последний ряд у двери. В последнем ряду сидел отец. Колено вытянуто в проход, шапка в руках, щетина седая, как иней. Она кивнула ему. Он смотрел на сцену.

На сцене было трое.

Мужчина у микрофона, лет пятидесяти пяти, с хорошей сединой и улыбкой человека, который всем здесь рад. Высокая женщина в сером пальто за ноутбуком сбоку: волосы гладкие, ни одной выбившейся пряди, она ни разу не подняла глаз на зал. И третий у края экрана, в тени, вполоборота. Худой, в тёмном свитере, сутулый так, как сутулятся над столом. Он держал маркер колпачком вниз и вертел его в пальцах.

Даша узнала его по тому, как он стоял. Лица ещё не было видно, только плечи и наклон головы. Восемь лет назад он уехал из посёлка за одну ночь, и за эти восемь лет она ни разу не видела, чтобы кто-то стоял именно так.

Мужчина у микрофона говорил:

— …канатная дорога от нижней станции на отметке тысяча триста восемьдесят до верхней на гребне, две тысячи пятьсот шестьдесят. Шесть трасс по Шаманскому цирку. Это, друзья мои, рельеф мирового уровня. Я катался в Альпах и в Канаде, и я вам скажу: у вас здесь лучше.

Щёлкнул слайд. На экране возник склон: тот самый, только синее небо было ярче, чем бывает, а снег белее, чем бывает. Внизу, на широком пологом языке под цирком, стоял отель. Длинный, низкий, ступенчатый, со стеклянными террасами. Белый. Белое на белом.

— Отель на сто восемьдесят номеров, — сказал мужчина. — Бытовой городок. Пятьсот рабочих мест на стройке и двести постоянных после ввода. Новая дорога. Новая школа. Это не я придумал, это записано в соглашении с республикой.

Зал зашевелился. Кто-то в середине зааплодировал, на него зашикали и тут же захлопали все.

Даша смотрела на отель. Он стоял на конусе выноса: ровно там, где час назад она резала щупом снег над Тимуром. Там, где у земли рука проваливается в сахар. Она знала эту картинку по другим бумагам, по старым схемам в штабе, где тот же язык был заштрихован красным.

Сутулый у экрана повернулся к залу. Посмотрел в сторону. На неё.

Он не удивился. Он не вздрогнул, не отвёл глаз и не сделал вида, будто её не заметил. Он смотрел так, словно знал, у какой стены она встанет, ещё до того, как она вошла.

— Меня зовут Арсений Вадимович Тарасов, — сказал мужчина у микрофона. — Кто-то из вас помнит меня по краевому спорткомитету. Я обещал, что не буду долго, и уже соврал.

В зале засмеялись. Зимина улыбнулась, не разжимая губ.

— Теперь главное. — Тарасов отложил пульт и взял микрофон в обе руки. — Горы — это не только красота. Это ответственность, и я это понимаю. Участок передадут нам при одном условии: заключение по лавинной безопасности. Республика могла бы прислать кого угодно. Я мог бы привезти кого угодно, хоть из Женевы. Но я хочу, чтобы это заключение подписал человек, который знает этот склон лучше всех. Который здесь вырос. — Он поискал глазами по рядам и нашёл её у стены сразу, будто тоже знал, где искать. — Дарья Викторовна Ланская.

Головы повернулись. Сначала первый ряд, потом остальные, волной. Зоя Петровна прижала ладонь к груди. С Дашиной штанины на линолеум капнуло.

— Дарья Викторовна у нас единственный в районе сертифицированный специалист. Без её подписи ничего не будет. Ни одного кубометра бетона. — Тарасов развёл руками, будто извинялся за это перед залом. — Срок подачи по соглашению — пятнадцатое марта. Дарья Викторовна, может, скажете пару слов?

Даша не пошла к сцене. Она осталась у стены.

— Пару скажу.

Микрофон ей не дали, но в этом зале микрофон и не был нужен.

— Заключение будет, когда будут данные. Шурфы, тесты, метеопост. Полный цикл, до марта. Какое оно будет, решу не я. Решит склон.

— Вот! — Тарасов просиял, словно она подарила ему что-то. — Вот поэтому я и хотел именно вас. Понимаете? Красивый склон — это вызов. И отвечать на него должен профессионал.

— Профессионал отвечает на вопросы. Склон их задаёт.

Кто-то хмыкнул. Тарасов засмеялся первым, легко и благодарно, и зал засмеялся вместе с ним.

— Договорились. Данные и цикл. А теперь — архитектура, раз уж мы заговорили о вызовах. Илья Корнеев, главный архитектор проекта, студия «Пятый фасад». Илья, прошу.

Фамилию в зале узнали не сразу, через секунду. По рядам прошёл шорох. Кто-то в середине громко спросил соседа: «Тот самый?» Зоя Петровна обернулась на Дашу. Тамары Бочкарёвой в зале не было, и Даша отметила это в первую очередь.

Илья шагнул к микрофону. Посмотрел на экран, потом в зал, потом снова на неё.

Даша оттолкнулась от стены и вышла в коридор, не дожидаясь, пока он заговорит.

В коридоре было холоднее и тише. По стенам висели грамоты ансамбля «Ак-Суу» за восемьдесят шестой год и фотографии в пластиковых рамках: девочки в бархатных кафтанах, мальчики с топшурами. Батарея под окном стучала, как будто внутри кто-то сидел. За стеклом, во дворе, стоял уазик, и в его заднем окне торчала белая морда. Буран смотрел на дверь ДК не мигая.

Она достала из кармана жгут, покрутила в пальцах и убрала обратно.

Дверь в зал открылась и закрылась. Из-за неё ненадолго донёсся голос Тарасова: «… небольшой технический перерыв, кофе в фойе…» Шаги были негромкие, неторопливые. Он всегда ходил так, словно не хотел никого будить.

Он встал в трёх метрах. Ближе не подошёл.

— Здравствуй, Даша.

Она развернулась от окна.

— Здравствуйте, господин архитектор. Склон не торгуется.

— Я знаю.

Он не добавил ничего. Стоял, держа маркер колпачком вниз. На пальцах правой руки темнели чернильные пятна, на свитере у манжета блестело графитом. Лицо стало уже, у рта прорезались две складки, которых раньше не было. Глаза остались прежние: спокойные, внимательные, тяжёлые, как вода в проруби.

— Вы нарисовали отель на конусе.

— Нарисовал.

— Сто восемьдесят номеров.

— Сто восемьдесят.

— Вы знаете, что на этом конусе лежит у земли. В двадцати сантиметрах.

— Знаю.

Она ждала. Сейчас он должен был сказать: заказчик настоял. Сказать: это первый вариант, его ещё будут менять. Сказать хоть что-нибудь, с чем можно спорить, за что можно ухватиться и бить. Батарея стукнула трижды. Он молчал.

— Тогда зачем.

— Я хочу, чтобы ты сказала правду. — Он произнёс это ровно, без нажима, как читают размеры с чертежа. — Если она совпадёт с тем, чего хочу я, тем лучше.

— А чего хотите вы?

Он посмотрел на окно, на уазик, на белую морду в стекле.

— Это твой?

— Мой. — Голос у неё вышел резче, чем она собиралась. — Вы не ответили.

— Нет. Не ответил.

Она шагнула ближе, теперь между ними оставалось два метра.

— Тарасов хочет, чтобы вы были при наблюдениях?

— Хочет, чтобы архитектор был на шурфах. Это его условие.

— Значит, так. На склоне я иду первой. Вы идёте там, где я скажу, и стоите там, где я поставлю. Датчик проверяю я, каждый раз. Без каски, без щупа, без лопаты вы на склон не выходите. Обувь покажете мне заранее. Если я говорю «назад», вы идёте назад и не спрашиваете почему.

— Хорошо.

— Это не обсуждается.

— Я и не обсуждаю.

От этого «не обсуждаю» ей захотелось ударить кулаком в стену, рядом с грамотой ансамбля. Восемь лет назад в пять часов десять минут утра она звонила ему из Барнаула, гудки шли долго, до самого конца, и никто не взял. Восемь лет она складывала слова, которые он скажет, когда наконец объявится. Ни одного из них он не сказал.

— И ещё, Корнеев. Мы на «вы».

Он кивнул медленно, словно принимал на ладонь что-то тяжёлое.

— Как скажете.

Дверь в зал снова открылась, высунулась гладкая голова женщины в сером пальто.

— Илья. Пять минут.

— Иду.

Женщина посмотрела на Дашу так, будто снимала с неё мерку, и закрыла дверь без единого звука.

Илья не двинулся. Секунду, две. Потом сказал, глядя не на неё, а на мокрую дорожку, которую она оставила на линолеуме от самого входа:

— У вас ботинки промокли.

И ушёл в зал.

Она вернулась, когда свет уже погасили. Тимур сидел с краю в предпоследнем ряду, придерживал кресло рукой и кивком показал: садись. Она села. Куртка на ней почти высохла и задубела на сгибах, как картон.

Илья говорил в микрофон тихо, и зал притих, чтобы его слышать. Он не ходил по сцене и не размахивал руками, стоял у экрана и время от времени поднимал маркер, показывая.

— Здание складывается не из фасада, — говорил он. — Фасад — это то, что видно. Здание держится на основании, на том, чего никто не видит. Поэтому здесь, — щёлкнул слайд, на экране появился разрез отеля с подпорными стенками, — мы заглубляем фундамент до коренной породы. Здесь отбойная дамба. Здесь направляющие клинья.

Даша смотрела на разрез. Дамба была нарисована аккуратно, тонкой линией, со штриховкой. Над дамбой на разрезе был только воздух. Над дамбой в жизни был цирк, тридцать шесть — сорок два градуса, четыре очага и Кривая Падь посередине.

— Дамбой, — сказал рядом Тимур одними губами. — Ну-ну.

— Тихо.

— Да я молчу.

— …мы рассчитываем эти конструкции на сход двухтысяча четвёртого года, — продолжал Илья. — Это самый большой из задокументированных…

Сзади скрипнуло кресло.

Даша обернулась. Отец поднимался из последнего ряда. Поднимался тяжело, опираясь правой рукой о спинку переднего кресла и не сгибая колено, которое всегда держал вытянутым в проходе. Встал. На него оглянулись двое из последнего ряда и тут же отвернулись к экрану.

Илья на сцене замолчал на полуслове. Зал этого почти не заметил, а Даша заметила. Он стоял с поднятым маркером и смотрел поверх голов в конец зала.

Отец на сцену не смотрел. Он смотрел на дверь, до которой было четыре шага.

— Пап, — сказала Даша, не громко.

Он, может быть, не услышал. Сделал шаг, второй. У самой двери ему пришлось перехватить шапку, чтобы освободить правую руку для ручки, и шапка оказалась в левой. Свет с экрана падал на него сбоку, белый, ровный, от нарисованного снега.

Шапка в его левой руке мелко ходила из стороны в сторону, как стрелка прибора на ветру. Он посмотрел на неё сам, будто увидел чужую руку, сжал пальцы сильнее. Шапка не остановилась. Такого за отцом Даша не помнила ни разу.

Дверь закрылась за ним, и с той стороны, в коридоре, стало слышно, как он идёт: неровно, с пристуком, к выходу, к снегу.

Глава 2. Колено

Вольер на заднем дворе базы Даша открывала в шесть сорок, когда в окнах штаба ещё не горел свет. Накануне ночью снег шёл часов пять, ровно и без ветра. К утру он лёг на крышу, на ступеньки и на проволочную сетку, и каждая ячейка стала белой. Термометр у двери показывал минус семнадцать.

Буран ждал у калитки. Он не скулил и не прыгал, просто стоял, и от шерсти шёл пар.

— Тихо, — сказала Даша. — Знаю, что рано.

Она проверила миски, лапы и подушечки: нет ли льда между пальцами и не собрались ли в шерсти шарики. Лайма на соседнем выгуле заворчала, ей досталось в последнюю очередь, и она обиделась. Дымок спал, свернувшись в будке, и не поднял головы.

— Ты вчера в шесть ушла, — раздалось из-за сетки. — Я вечером звонил, не взяла.

Тимур шёл через двор, проваливаясь в свежий снег по щиколотку. Шапка у него, как всегда, была сбита на ухо. В руках он нёс два картонных стакана и держал их двумя руками.

— У меня был выключен телефон.

— У тебя он всегда выключен, когда надо сказать то, что не хочется слушать. — Он протянул ей стакан. — С сахаром, не спорь. Как он?

— Кто?

— Даш.

Она сняла перчатку и взяла стакан. Чай был обжигающий, пах чабрецом и картоном.

— На всё сказал «хорошо», — ответила она. — Пока только слушал. «Хорошо», и всё.

— Ну, это уже что-то. Наш Корнеев вроде понятливый.

— Он не наш.

— Ладно, не наш. — Тимур присел на корточки, и Буран сразу ткнулся носом ему в шею. — А я к чему. Вчера отец ушёл с презентации. Весь зал видел. Тарасов потом ходил и всем говорил, что у Виктора Андреевича давление.

— У него давления нет.

— У него колено.

— У него колено, — повторила Даша.

Они оба помолчали. Двор был такой тихий, что слышалось, как оседает снег на крыше вольера.

— Ты понимаешь, что мне нужно к метеопосту? — сказала она. — Датчик на Седловине замерзал два раза за ноябрь. Я одна его не починю и не откалибрую. Нужен человек, который знает, как стояла станция раньше.

— Я знаю.

— Ты знаешь, как стоит она сейчас. А раньше знает только он.

Тимур кивнул и сделал вид, что внимательно смотрит на собаку.

— Спроси, — сказал он. — На планёрке.

— Спрошу.

— Только не при всех.

— При всех. — Даша допила чай и смяла стакан. — При всех он не отмахнётся. Ему невыгодно.

— Вот в этом ты ошибаешься, — тихо сказал Тимур. — Именно при всех он и отмахнётся.

Из задней двери штаба вышел дежурный, помахал им и крикнул, что котёл починили. Даша махнула в ответ и пристегнула поводок.

Планёрка начиналась в восемь, как все восемь лет до этого.

Штаб был длинной комнатой с низким потолком, двумя окнами на вольер и столом, за которым умещалось четырнадцать человек, если сидеть плечом к плечу. Пахло мокрой шерстью, печным дымом и сушёными носками, и никакое проветривание не помогало. Над столом, над головой начальника, висела деревянная табличка с буквами, выжженными паяльником: «Ведущий отвечает за группу». Рядом, на гвозде, висела вторая, помельче, с графиком дежурств. Её перевешивали каждую неделю.

Отец сидел во главе стола, прямой, с вытянутым вдоль ножки стула коленом. Левую руку он держал под столом.

— Четвёртое декабря, — сказал он. — Минус семнадцать, ночью выпало тридцать восемь сантиметров. Бюллетень по краю: второй уровень, на северных склонах возможен третий. Дежурная смена — Васильев, Гаврилов, Шевцов. Остальные по плану.

— По какому плану? — спросил кто-то с конца стола.

— По моему, Гена. Вторая группа на тренировку по связкам. Ратрак в долине с утра, заказчик просит сопровождения по дороге к площадке. Сопровождать будет Ланская.

— Я сопровождать не буду, — сказала Даша.

Отец поднял глаза. Выцветшие, голубые, они смотрели без раздражения, как смотрят на прибор, который дал неверное показание.

— У тебя наблюдения.

— Именно. Мне нужно на Седловину. Метеопост замерзает, я не уверена в данных. Нужно проверить анемометр, перекалибровать датчик температуры снега и проверить ретранслятор. В одиночку я не пойду. Поедем вдвоём, на снегоходах, часа за три туда и обратно. Ты ставил эту станцию.

Стало тихо. Кто-то у окна перестал шуршать бумагой.

— Колено, — сказал отец.

— Пап.

— Колено, Даша. Сама знаешь.

— Тимур с тобой поедет, ты за рулём не будешь. Просто посмотришь.

— Если я говорю — колено, значит, колено. Гена, у тебя вторая группа в приказе.

Гена Васильев открыл рот, закрыл и уткнулся в свой листок. Остальные последовали его примеру. За восемь лет отряд научился не слышать этот разговор. Он велся каждую осень, и каждую осень заканчивался одной и той же фразой.

Даша не стала спорить. Она положила ладонь на стол плашмя, как на тормоз.

— Тогда поеду с Тимуром. Но ты будешь знать, что я там без тебя.

— Я знаю, — сказал отец ровно. — Без меня там давно всё. — Он помолчал. — В десять приедет Тарасов с руководителем проекта. Принимать будешь ты. Подпись твоя.

— Это будет не принимать.

— Как скажешь. — Он встал, придерживаясь за столешницу правой рукой, и пошёл вдоль стены, по пути поправляя то, что поправлять не требовалось: сдвинул стул, выровнял угол карты. У двери остановился. В углу, между шкафом и вешалкой, стояла красная лопата с вмятиной на лопасти. Её никто не брал, она всегда стояла там. Отец, не глядя, провёл по черенку здоровой рукой и вышел.

Палыч сидел на радиоузле, укутанный в синюю телогрейку, и ворчал на «Скалу».

— Ну что ты шипишь, железка. Что ты шипишь. Я тебя вчера протирал, как невесту. А ты шипишь.

— Георгий Палыч, доброе утро.

— А, Дашенька. — Он развернулся на крутящемся стуле, достал из кармана мятный леденец и тут же положил обратно, потому что кашлянул. — Кхе. Вот, смотри, ретранслятор

опять хромает. Седловина отвечает через раз. Я ей говорю: «Седловина, как слышишь?» А она мне: «Фшшш…» Баба.

— Станция?

— А кто ж ещё. — Он повернулся к пульту и ткнул пальцем в тумблер. — Данные я тебе скинул. Минус двадцать три на гребне ночью, ветер юго-западный, шесть, порывы до двенадцати. Новый снег — тридцать восемь на посту, на склоне, думаю, больше. Ветер таскает.

Даша встала рядом, облокотилась на край стола и посмотрела на столбцы цифр. Они были аккуратные, выписанные от руки, с карандашными пометками на полях.

— Анемометр?

— Анемометр замерз в третий раз. Я писал в заявке. — Он закашлялся, дольше, чем требовалось. — Кхе. Писал. Сказали — потерпим.

— Потерпим до чего?

— До весны, видимо. — Палыч снова достал леденец и на этот раз развернул. — У нас всё терпим. Станцию терпим, ретранслятор терпим, бюджет терпим. Дашенька, я тут тридцать лет сижу, и всё как-то держится, а почему держится — не пойму.

— Значит, поеду я. С Тимуром.

— И правильно. — Он засунул леденец за щёку. — Только ты там смотри. Седловина — место такое. Там ветер ходит по-своему. Виктор Андреевич знает. Раньше любил там стоять. Часами. Говорил, оттуда всю Шаманку видно.

— И правда видно.

— Видно. — Палыч снова повернулся к пульту, дёрнул шнур, погладил рацию по боку. — Ну, вот же ж железка. Давай, родная, не подведи.

Даша посмотрела на его руки. Они лежали на пульте, большие, сухие, с распухшими суставами. Он держал их так, что дрожь терялась.

— Палыч.

— А?

— Ты с вечера не домой, что ли? Телогрейка вчерашняя.

— А мне там что делать? — Он хмыкнул. — Домой, в пустую квартиру, чтобы телевизор слушать? Здесь хоть кто-то шипит.

В окне за его спиной мелькнула серая «Тойота» с краевыми номерами. Она плавно прошла мимо вольера, развернулась на площадке перед штабом и встала носом к крыльцу.

— Приехали, — сказал Палыч, не оборачиваясь. — Красиво подъехали. Без пробуксовки. Это не наши.

Тарасов вошёл первым, придержал дверь для женщины и сам снял шапку, прежде чем переступить порог. Седина у него была ровная, благородная, лицо открытое, голос такой, что хотелось слушать, даже если он говорил о погоде. Пальто тёмное, ботинки на хорошей подошве, именно такие, какие надевают, когда знают, что по снегу придётся ходить недолго.

— Дарья Викторовна. — Он протянул руку. Рукопожатие было крепкое, сухое, без лишней задержки. — Вчера не было времени поздороваться как следует. Арсений Вадимович.

— Здравствуйте.

— А это Эльвира Горская, руководитель проекта. Она отвечает за график, а график, как известно, отвечает за всё.

Эльвира кивнула. Пальто на ней было серое, прямое, без единой складки. Гладкие волосы лежали так, будто их никогда не касался ветер. Она положила на стол папку, не открывая, и осталась стоять.

Они сели в кабинете отца, потому что в штабе было людно. Виктор Андреевич отсутствовал, на столе остался его стакан с остывшим чаем и стопка бумаг, сложенная ровной стоп-

кой. Даша села не на его место, а сбоку. Тарасов, не колеблясь, сел напротив, как садятся на переговорах.

— Мы подготовили график, — сказала Эльвира. Голос у неё был ровный, без интонаций. Она открыла папку и повернула её к Даше. — Подача заключения — пятнадцатое марта. Это жёсткая дата. Дальше по соглашению с республикой участок уходит в резерв.

— Я знаю дату.

— Замечательно. В графике — три шурфа до Нового года, четыре в январе, три в феврале и итоговый в начале марта. Тесты СТ и ЕСТ на каждом.

— Шурфы раз в десять дней, — сказала Даша. — Это не три до Нового года, а по графику каждые десять дней, начиная с четвёртого декабря. И не три в феврале, а три плюс контрольный после любого значимого изменения погоды. Тесты СТ, ЕСТ и PST на каждом шурфе, не выборочно. Данные Седловины — ежедневно, без пропусков. Если пост замёрзнет, пишу в протокол, что данных нет.

Тарасов слушал, чуть склонив голову, и кивал в такт.

— Всё записано, Эльвира?

— Записываю.

— И взрывные работы, — продолжила Даша. — Никаких. До моих данных, то есть до пятнадцатого марта. Ни пробных, ни демонстрационных, ни «для проверки». Если на склоне кто-то хлопнет зарядом без моего допуска, я снимаю подпись, и вы ищете нового лавинщика.

— Разумеется, — сказал Тарасов. — Мы не самоубийцы.

Эльвира подняла глаза от блокнота и посмотрела на Дашу прямым, спокойным взглядом, в котором не было ничего: ни вызова, ни одобрения.

— В договоре пункт 4.3, — сказала она. — Взрывные работы проводятся по согласованию со службой безопасности курорта. Служба безопасности подчиняется Сомову.

— Я знаю, кому она подчиняется.

— Тогда вы знаете, что он будет настаивать.

— Пусть настаивает. — Даша закрыла папку. — Склон не торгуется.

— Дарья Викторовна. — Тарасов сложил руки на колене и улыбнулся так, как улыбаются людям, с которыми собираются работать долго. — Я хочу, чтобы вы поняли одну вещь. Мы не враги. Мы готовы идти вам навстречу в каждом вопросе, который касается безопасности. Это моё слово.

— Хорошо.

— А я, со своей стороны, хотел бы поговорить об отряде. — Он перевёл взгляд на окно, за которым Тимур вёл по двору Лайму, и лицо его смягчилось. — Вы прекрасные люди. Четырнадцать ставок на семьсот человек, три собаки, база, которую строили при Брежневе. Я ходил по вашим коридорам и думал: как они это выдерживают?

— Выдерживаем.

— Вижу. Но выдерживать можно по-разному. Курорт готов построить для отряда новую базу. Там же, на Горной, или у нижней станции, как вам удобнее. Гараж на четыре машины, кинологический комплекс с тёплыми вольерами, учебный класс. Ратрак, ваш собственный, на балансе, без аренды. И вертолётная площадка, потому что без неё, простите, это не спасательная служба, а добровольная дружина.

Он говорил просто, без нажима. Даша слушала и держала лицо. Каждое слово было про отряд. В отряде было две машины, обе старше её самой на четыре года. Единственный ратрак принадлежал району, и его отбирали каждое лето под нужды дорожников.

— Это очень щедро, — сказала она.

— Это не щедро. Это справедливо. — Тарасов чуть подался вперёд. — Курорт на семьсот человек посёлка привезёт двадцать тысяч гостей в год. Вам нужна служба, которая справится. Мы хотим, чтобы это были вы.

— Склоны не слушают графиков, Арсений Вадимович.

— Склоны слушают деньги, Дарья Викторовна, — ответил он мягко, почти с сочувствием. — Просто не сразу. Лет тридцать назад их не слушали, потому что денег не было. А сейчас появились. Знаете, что мне говорили, когда я начинал? Что Шаманку не укротить. Что это красивая, но злая гора. Красивый склон — это вызов. Не угроза, а вызов. Всё решается инженерией и вниманием к деталям. Вы же сами знаете, как обходятся с лавиноопасными зонами в Альпах.

— В Альпах не живут на конусе выноса.

— В Альпах и снег другой. — Он улыбнулся шире. — Я понимаю вашу осторожность. И уважаю её. Но подумайте вот о чём. Вы же знаете, что вашему отряду так или иначе придётся меняться. Район не будет содержать четырнадцать ставок вечно.

Эльвира перестала писать.

— Что значит «не будет содержать»? — спросила Даша.

Тарасов посмотрел на неё с вежливым удивлением.

— Вам не говорили? С первого января двадцать восьмого года район планирует оптимизацию. Штат сводится к дежурному пункту, остальное, предположительно, передаётся частным операторам. Курорт готов принять на работу всех, кто захочет. Но, разумеется, не бесплатно и не в прежнем статусе. Я думал, Лидия Аркадьевна вас уже предупредила.

— Нет.

— Мне жаль, что это прозвучало от меня. — Он сказал это искренне, как человек, который поступил некрасиво и знает об этом. — Но, возможно, так даже лучше.

Он не нажимал и не угрожал. Просто положил это на стол между ними, как кладут ключи.

Даша встала. Стул проскрипел по линолеуму.

— Мне нужно проверить дежурный график, — сказала она. — Эльвира Андреевна…

— Валерьевна.

— Эльвира Валерьевна. Я пришлю вам протокол по шурфам сегодня до шести.

Отец стоял в штабе под табличкой «Ведущий отвечает за группу» и разглядывал дверной косяк, словно прикидывал, ровно ли он повешен. Правую руку он положил на стену, левую убрал в карман.

— Проводила? — спросил он.

— Ещё нет. Они в кабинете. — Она остановилась в двух шагах. — Пап. Ты знал про двадцать восьмой?

Он не вздрогнул и не отвёл глаз. Он просто смотрел на неё.

— Дежурство по базе у тебя в одиннадцать, — сказал он. — Васильева заменишь, у него ребёнок болеет.

— Пап.

— Колено к снегу ноет. Весь день будет. — Он оттолкнулся ладонью от стены и пошёл к выходу, ставя ногу ровно, как по линейке. — Ты там не торопись. Они гости, пускай посидят.

Красная лопата стояла в углу между шкафом и вешалкой. Отец прошёл мимо неё, не задев, и дверь на крыльцо закрылась за ним со стуком.

Даша осталась у стола. Из кабинета тянуло дорогим одеколоном и бумагой. Через стену Тарасов говорил что-то Эльвире, неразборчиво и размеренно. Рация Палыча на стене, тихо и упрямо, шипела.

Она вышла на крыльцо через пять минут. Серая «Тойота» стояла носом к крыльцу, отца уже не было видно. Снег снова пошёл, мелкий, сухой, из ясного неба, как это бывает в декабре.

Эльвира вышла одна. Тарасов остался внутри, договаривался с Тимуром о чём-то весёлом, его голос доносился через дверь. Она спустилась на ступеньку ниже и остановилась, глядя на машину, а не на Дашу. Пальто на ней по-прежнему лежало без единой складки.

— У вас хорошие люди, — сказала она.

— Знаю.

— Это не комплимент. Констатация. — Она достала из кармана ключи, но не стала открывать машину. — Вы, наверное, задаётесь вопросом, почему он выбрал вас.

— Я задаюсь вопросом, почему вы мне это говорите.

— Я говорю между делом. — Эльвира повернула голову, и в её лице Даша не увидела ничего, кроме внимания. — Он отказался от лавинщика из Новосибирска. Хорошего, с именем. Сказал — только Ланская. Назвал вас ещё в июне.

Снежинка села Даше на ресницу. Она не стала её смахивать.

— В июне?

Глава 3. Берёзка

Зоя Петровна не повесила в его комнате занавесок. «Зачем? — сказала она, когда он только приехал, втаскивая на второй этаж его сумку. — Вид у нас один, другого нет». Вид и правда был один: над крышей соседского сарая, над чёрной полосой ельника стояла Шаманка, и цирк под гребнем в лунном свете лежал белой чашей, вынутой из формы.

Он не спал. Лампа на столе была развёрнута к стене, чтобы свет не бил в стекло, и круг от неё падал на лист кальки, придавленный по углам кружкой, линейкой, ластиком и рулеткой. Батарея под окном щёлкала и пахла горячей пылью. С первого этажа тянуло сушёными яблоками и печным дымом: Зоя Петровна топила и в декабре, и в июле, «для настроения дома».

На листе был отель. Южный фасад, сто восемьдесят номеров, терраса над нижней станцией, стеклянное ограждение по линейке. Он провёл этот фасад уже сотню раз, и каждый раз выходило одинаково правильно. Тарасов увидит в нём деньги, партнёры в Новосибирске увидят премию, а он видел одно: линию, под которой, если вести взгляд вверх, будет Кривая Падь.

Он отложил карандаш и прижал левую ладонь к оконной раме. Из рамы тянуло сквозняком от самого стекла, это он знал, потому что видел, как шевелится пыль на подоконнике. Два пальца, мизинец и безымянный, ничего не сообщили. Он подержал руку, пока не заныло запястье, и убрал.

Когда он снова посмотрел на лист, на террасе стояла женщина.

Он не помнил, как её нарисовал. Штрих лёгкий, три-четыре линии: узкая спина, куртка с широкими лямками, на плечах тяжёлая коса. У её ног сидела собака, и по тому, как была посажена голова, было ясно, что собака белая, хотя на кальке была одна графитовая серость.

Вчера, проезжая мимо базы, он видел эту собаку один раз и издалека, у вольера, рядом с хозяйкой. Хватило.

Он взял ластик и тёр, пока лист не поплыл, но линии остались, бледные, как след от ногтя на воске. Тогда он перевернул кальку чистой стороной вверх и положил поверх линейку.

На часах было без десяти четыре. Это время он не любил много лет: в доме всё замирало, и ночь слышалась как работающая машина. Он сел на кровать лицом к окну и сидел, пока цирк на Шаманке не стал из белого серым.

Зоя Петровна встала в половине седьмого, как и обещала, и когда он спустился на кухню, на плите уже шипели оладьи, а на столе стояла банка варенья с торчащей ложкой.

— Не спал, — объявила она, не оборачиваясь. — У меня потолок как барабан, всё слышно. Ходил, ходил. Садись. Чай сам, я руки в тесте.

Яркий платок на ней был повязан узлом на затылке, поверх вязаной жилетки с оленями. Она двигалась по кухне быстро, мелко, и вместе с ней двигались запахи: масло, ваниль, мокрая шерсть от варежек, сушившихся на печи.

— Я не хотел вас будить.

— Да что ты меня будишь, я сама ухо навострила. Любопытная я. — Она сказала это с достоинством, как говорят о должности. — Ешь, пока горячие. Ты вчера не ужинал. Я слышала, как ты дверь открывал, потом закрывал, потом опять открывал.

Он налил чай. Руки у него были в графитовых пятнах до второй фаланги, и Зоя Петровна покосилась на них с одобрением, как на печать.

— Весь посёлок знает, что ты приехал, — продолжила она. — Магазин с утра гудит. Говорят, Тарасов вчера ездил на базу, Ланская ему какие-то цифры выкладывала, а он улыбался. А ты к ней не ходи, Илюша, пока не позовёт.

— Я не собирался.

— Конечно. — Она перевернула оладью. — Ты не обижайся, но я тебе скажу, потому что ты тут всё равно не со зла будешь ходить, а по незнанию. Её у нас Железной зовут.

Он поставил кружку.

— Дашу?

— Дарью Викторовну. За глаза, конечно, в лицо никто не рискнёт. Не потому, что злая, нет. Она справедливая, такая справедливая, что хоть иконой делай. Как в горах железо: не гнётся, не греется, не блестит. — Зоя Петровна помолчала, взвешивая, стоит ли говорить дальше, и решила, что стоит. — Восемь лет, Илюша. Восемь лет она ни разу не ходила в связке с мужчиной. Мужики из Усть-Кайрыка звали, из Бийска приезжал один, красивый, на джипе. Она с ним на склон вышла, он руку ей на верёвку, а она — «Спиной ко мне не становитесь». И всё. Он уехал, потом рассказывал, будто она его на склоне чуть не уронила. А Тимур не считается: он женатый, и в связку они не ходят, они с собакой.

— Я понимаю, — сказал он.

— Ничего ты не понимаешь, ты же архитектор. — Она сняла оладью на тарелку и посмотрела на него наконец прямо. Глаза у неё были быстрые, добрые. — Ты тогда за одну ночь уехал. Ты под утро забежал, сумку забрал, я только дверь слышала. Поднялась, а комната пустая, постель как в казарме заправлена, и деньги на столе, за месяц вперёд. Я с ума сошла, как же так, думаю. А почему — никто не знает. Ни я, ни Галя, ни…

— Зоя Петровна, — сказал он тихо.

— Молчу. — Она подняла ладонь, вся в муке. — Ешь.

Он ел. Оладья была горячая, с хрустящим краем, и на язык ложился вкус, которого он не ел восемь лет, а мог бы узнать с закрытыми глазами. Зоя Петровна смотрела, как он ест, и не задала больше ни одного вопроса, что для неё было, пожалуй, подвигом.

На улице всё было синее. Солнце ещё не вышло из-за хребта, но воздух уже светился, и каждый сугроб лежал с резкой голубой тенью вдоль забора. Градусов пятнадцать мороза, прикинул он по тому, как схватило ресницы. Из труб поднимались прямые дымы: ветра не было.

Он шёл не по главной, а по Нагорной, мимо школы, мимо заколоченной бани, и каждый дом отдавал ему что-то, чего он не просил. Колодец с вырезанным петухом на срубе. Крыльцо, на котором когда-то сидел с кружкой чая Роман и объяснял местному трактористу, чем отличается фирн от наста. Деревья вдоль дороги стали выше, а в остальном посёлок словно подождал.

Кладбище лежало на склоне, выше последнего ряда домов, у самого подножия конуса. Над ним в сером утреннем свете стояла Шаманка, и в нижней части конуса, на белом едва виднелась плита, поставленная на месте, где нашли Романа. «Белая Плита». Так её называли в отряде, а потом и в посёлке, и он слышал это название много раз, но произнести не мог.

Калитка была открыта, дорожка до третьего ряда расчищена. Расчищено свежо, не позднее вчерашнего вечера: края отвала ещё не схватились настом. На могиле лежала еловая лапа, поверх неё стояла эмалированная кружка из отрядной столовой, перевёрнутая, чтобы не набивалась крупа.

Он постоял над ней. Имя на камне он читал так часто, что оно перестало быть словами и стало рисунком: три прямых, две дуги.

Полевая книжка лежала в нагрудном кармане, там, где её носил хозяин. Он положил на нагрудный карман ладонь, не вынимая книжку, как кладут на ушибленное место.

— Я приехал, — сказал он. — Ты бы, наверное, сказал, что не вовремя.

Слышен был только далёкий присвист лавинной сетки на склоне. С камня сыпалась мелкая крупа.

— Она не изменилась, — сказал он. — Только строже.

Он хотел сказать ещё что-то, но сзади, по дорожке, скрипнул снег.

— Ты б хоть кашлянул, — сказал Тимур.

Он стоял в калитке, в шапке, сбитой на ухо, руки засунуты в карманы форменной куртки, и выглядел так, будто пришёл сюда случайно, по дороге на базу, хотя база была в другой стороне. Узкие глаза щурились от света. Он улыбнулся широко, с привычной ловкостью, а глаза не улыбнулись.

— Не хотел мешать, — сказал Тимур. — Я с Ромой каждое утро здороваюсь, когда смена. У меня дежурство в восемь, но вот решил… крюк сделать.

— Хороший крюк. Два километра.

— Три. — Тимур прошёл по дорожке, постоял у ограды, потрогал кружку носком ботинка, будто проверяя, на месте ли. — Ты как? Зоя тебя не замучила? Она вчера уже всем рассказала, что ты ночью по комнате ходил. Я в магазине слышал.

— Нормально.

— Нормально. — Тимур покивал. — Дочка вчера спросила, правда ли, что ты горку построишь. Я говорю, не горку, а гостиницу. Она говорит — а горку можно? — Он засмеялся и сам оборвал смех. — Слушай.

Он вытащил руку из кармана и потёр шею сзади, привычным жестом, каким потирают место, где долго лежала верёвка.

— Слушай. Держись подальше от Виктора Андреевича. У него сердце.

Илья смотрел на камень.

— Я держусь, — сказал он. — Восемь лет держусь.

Тимур не двинулся. Снег под ним скрипнул один раз и затих. Илья не повернул головы, но слышал, как тот перестал дышать на секунду.

— Я не об этом, — сказал Тимур.

— Я знаю.

— Нет, ты послушай. Он после того года… — Тимур сжал и разжал кулак. — Просто не суйся, понимаешь. Не подходи.

— Не подойду.

— Вот и ладно. — Тимур помолчал. Потом, неожиданно сердито: — Я не то хотел сказать. Я хотел сказать — хорошо, что ты вернулся. Я не знаю, правда, хорошо или нет, но…

Он не договорил. Илья наконец повернулся и увидел, что лицо у Тимура не весёлое и не злое, а просто усталое, с мелкими морщинами в углах глаз, которых восемь лет назад не было. Тимур отвёл взгляд, на камень, на кружку, на далёкую плиту над кладбищем.

— Мне пора, — сказал он. — У меня дежурство. Ты на базу только не ходи. Или ходи, но когда я позову.

— Хорошо.

— Ага.

Он дошёл до калитки, остановился с рукой на столбе.

— Чай у нас есть. Хороший. Если что.

Шаги ушли вниз по склону, и Илья ещё какое-то время слушал, как они затихают, потом перестал различать их из-за тока собственной крови в ушах.

Обратно он шёл по главной улице, нарочно. Утро уже стало белым: из-за хребта вышло солнце и ударило по снегу так, что пришлось прищуриться. Посёлок открылся. Люди выходили на крыльца, сметали наметённое за ночь, кто-то грел во дворе «Ниву». Женщина с вёдрами поздоровалась с ним, не узнав, и он ответил. За спиной кто-то узнал, и он слышал, как на секунду стихли голоса.

Он думал о Тимуре. О том, как тот потирал шею.

Он ехал сюда по двум причинам, одну из которых мог назвать вслух. Проект был хорош: сложный, нужный, из тех, о которых мечтают в двадцать четыре. Вторую причину он никому не говорил. Он хотел, чтобы склон сказал «нет». Чтобы цирк, этот безупречный белый цирк, который он знал так, как не знал ни один нарисованный фасад, прошёл через руки единственного человека, которому он верил больше, чем себе, и она сказала то, что есть. Не он, не студия, не Тарасов. Она. Её голосом, её цифрами, её подписью или отказом. Если подпись не будет поставлена, курорт не построят. Если поставлена — значит, склон выдержит, и он зря восемь лет считал его убийцей.

И она не должна была узнать, чего ему это стоило. Не только приезд — ни одной ночи из тех восьми. Пусть решит, что приехал за деньгами и славой. Это было бы даже проще.

Он дошёл до перекрёстка с Горной и остановился.

База стояла в конце улицы, красная, кирпичная, с вольером сбоку, где в такой час всегда кто-то лаял. У ворот стоял человек. Крупный, осевший в плечах, в куртке с нашивкой и в старой ушанке. Седая щетина серебрилась на ярком свету. Виктор Андреевич смотрел вдоль улицы, туда, откуда должна была подъехать смена, и правую руку держал на воротном столбе. Левую он опустил в карман.

Илья замер. Между ними было метров восемьдесят. Он видел, как Виктор Андреевич повёл головой, как скользнул взглядом по улице и дошёл до него. Остановился. Не кивнул, не моргнул, только слегка поменял положение плеч, как меняют, когда в спину дует. Потом повернулся, толкнул калитку и вошёл во двор.

Он стоял и смотрел на закрывшуюся калитку. Левая рука Виктора, прежде чем уйти в карман, чуть дрожала.

Это дошло до него сразу, без слов. Восемь лет он считал, что дорогу, по которой не ходят, можно оставить в покое. Что платить будет он один, и этого достаточно. Но Тимур не отводил бы взгляд, а Зоя Петровна не гнала бы вопросы с кухни, а человек у ворот не прятал бы руку, если бы он был единственным, кто платит. Он приехал, и за каждым поворотом стояли люди, которым теперь снова придётся не смотреть ему в лицо.

Его возвращение опаснее для них, чем для него самого.

В «Берёзке» хлопнула дверь, когда он ещё поднимался на крыльцо. Он остановился на второй ступеньке: на верхней, спиной к нему, стояла небольшая полная женщина в тёмном пальто и сером платке.

Она обернулась.

Седые пряди выбились из-под платка и лежали на щеке. Глаза у неё были красные, как после бессонных дежурств, а лицо за эти годы стало мягче и тяжелее. В руках она держала свёрток, завёрнутый в вафельное полотенце, и от свёртка поднимался пар.

Он не сказал её имени. Горло не дало.

Галина Сергеевна не шагнула к нему, и он не шагнул к ней. На улице хлопнула калитка, где-то за забором закричал петух, на втором этаже дрогнула занавеска, и он не стал смотреть, чья.

Она протянула свёрток. Полотенце раскрылось с одного края, и под ним показались румяные бока, пахнущие луком, яйцом и маслом, тем самым, из того дома, где он когда-то подолгу сидел за столом.

— Съешь, — сказала Галина Сергеевна. — Ты худой.

Он смотрел на её руки, мягкие, в тонких светлых шрамах от скальпеля и от спиц. Правая держала свёрток снизу, левая придерживала сверху, крепко, будто его могли отнять.

Он поднял руку и не донёс её. Два пальца на левой были как чужие, и он стоял, держа руку в воздухе, как человек, который забыл, зачем её поднял.

Глава 4. Измерить крышу

Июль 2017 года. Ак-Тал, база отряда на Горной, 3.

В шесть утра двор базы был полон холодного света и запаха мокрой собачьей шерсти. Даша мыла миску у вольера, когда за воротами скрипнула калитка. Бим бросил возиться со шлангом и сел, насторожив одно ухо. Второе у него всегда лежало, поэтому морда казалась хитрой.

— Доброе утро, — сказал парень у калитки.

Он был худой и сутулый, с тубусом за спиной и рулеткой, которая торчала из бокового кармана рюкзака. Вчера вечером, пока отец был на выезде, Роман усадил его за семейный стол и весь ужин рассказывал про фундаменты, а ночевать отправил в «Берёзку». Парень слушал, кивал и съел пять маминых пирожков, так что Галина Сергеевна потом полчаса сияла. Даша в тот вечер сидела на дежурстве и знала о нём только по рассказам. Теперь она смотрела ему на ноги.

На ногах были белые кроссовки с сеткой. Городские. Чистые.

— Это что? — спросила Даша.

— Здравствуйте, — сказал он. — Илья.

— Я не про вас. Я про обувь.

Он посмотрел вниз, как будто проверял, на месте ли она.

— Других нет. Я думал, лето.

— Лето, — согласилась Даша. — На две тысячи триста восемьдесят. Мой брат вам не сказал?

— Рома сказал, что вы проводите.

— Я провожаю, а не тащу.

Из дверей штаба вышел Роман с кружкой, куртка нараспашку, как всегда. Из-за его плеча в штабе виднелась табличка на стене, которую отец повесил давно: «Ведущий отвечает за группу». Илья скользнул по ней глазами, задержался на секунду и опустил взгляд.

— Дашка, не пугай человека, — сказал Роман. — Он у нас дипломник. Приют Кара-Таш хочет измерить и вернуть к жизни.

— Приют хочет, чтобы его оставили в покое.

— Приют ничего не хочет, он груда камней и дыра в потолке. Поэтому нужен тот, кто умеет считать. Илья, у нас так: чего не знаешь, спроси у Даши, она знает всё и скажет с выражением.

— Мне нужно три-четыре замера, — сказал Илья. — Обмеры кровли, толщина стен, привязка печи. Неделя, не больше.

— Неделя, — повторил Роман, и в голосе у него мелькнуло что-то, чего Даша тогда не поняла. — Ну, посмотрим. Бим с вами пойдёт, ему полезно размяться.

Бим на своё имя дёрнул хвостом. Даша забрала миску, сунула шланг в ящик и пошла за рюкзаком. На ходу она сказала, не оборачиваясь:

— Шнурки завяжите двойным узлом. И рукава спустите, там не город.

Тропа начиналась за кладбищем и сразу уходила вверх, в лиственницы, где ещё держалась ночная сырость. Даша шла впереди ровным шагом, которым ходят восемь часов подряд. Бим шёл вперёд и возвращался, проверяя, что оба на месте. Илья держался в трёх шагах позади и дышал заметно громче, чем хотел бы.

Через час лес кончился, пошли каменные россыпи и альпийские луга, пёстрые от цветов, названий которых Даша не помнила, зато помнила, какие из них ядовитые. Илья остановился, достал блокнот и что-то зарисовал. Потом догнал.

— Вы всегда так смотрите? — спросил он.

— Как?

— Как будто проверяете, не сломаюсь ли.

— Проверяю.

— И как?

Даша посмотрела на его ноги. Кроссовки уже потемнели от росы, на левом носке налип серый ком грязи.

— Ты зачем лезешь на перевал в кроссовках? — сказала она. «Вы» она держала как щит, но сегодня щит почему-то опустился. — Тут камни и ледяная вода из каждой трещины.

— Хочу увидеть, как эта крыша держит ветер.

— При чём тут ветер и кроссовки?

— Ни при чём, — сказал он спокойно. — Но вы спросили, зачем я лезу на перевал, а я ответил на этот вопрос.

— Ветер сам покажет, — сказала Даша. — Ты только не стой под ней.

— Под чем?

— Под крышей. Она у них давно на честном слове.

Он улыбнулся впервые за утро, быстро и неловко, как улыбаются люди, которых редко ловят на шутке.

— Это приглашение?

— Это инструкция по технике безопасности.

Она ускорила шаг. Бим кинулся следом. Ей стало жарко в ушах, и она списала это на подъём. Мимо прошёл серый сурок, постоял столбиком и нырнул в нору. Илья зарисовал и его.

На Седловине, у метеопоста, Даша остановилась перед запертой будкой и посмотрела на запад. Над хребтом поднималось облако, пока ещё небольшое, с плоским основанием и высокой белой макушкой.

— Что? — спросил Илья.

— Ничего. Пошли быстрее.

— Что-то не так с облаком?

— Облако не может быть «не так». Оно или собирается, или нет.

— И это собирается?

— Это уже собралось.

Приют стоял на самом седле, между двумя серыми скальными зубьями, и с тропы казался игрушечным. Потом он вырос, и стало видно, насколько он на самом деле большой и насколько мёртвый. Стены из дикого камня, сложенные косо и честно, ещё держались. Правый скат крыши рухнул внутрь, левый провис, и между ними торчали рёбра стропил, как рёбра у скелета.

Илья остановился на пороге и замолчал. Даша отметила это про себя: люди обычно начинали ахать или шутить, а он снял рюкзак и просто стоял.

— Семьдесят четвёртый год, — сказала она. — Строили геологи. Потом отдали нам. Потом мы перестали сюда ходить.

— Почему?

— Потому что зимой его заносит по самую трубу. А летом никому не нужен.

Внутри пахло камнем, пылью и старой гарью. Нары на шесть человек вдоль северной стены, ржавая буржуйка с кривой трубой, на полу куски шифера. Илья достал рулетку, зацепил кольцо за гвоздь в косяке и пошёл вдоль стены, бормоча числа. Блокнот он держал в зубах.

Даша села на подоконник, на котором когда-то сидели геологи, и стала смотреть, как он работает. Она не собиралась смотреть, но больше смотреть было не на что. Он измерял не как

дипломник, а как врач, который знает, где болит. Присел у печи, провёл ладонью по кладке, понюхал пальцы. Постучал по балке костяшками и приложил ухо.

— Лиственница, — сказал он. — Живая ещё. Видите? Звенит.

— Слышу, что звенит. Только не слышу, чего ты радуешься.

— Потому что её можно оставить. Всё остальное можно заменить, а её нельзя. Её не найти сейчас: такой лес больше не растёт на такой высоте.

— Она всё равно просидит тут ещё сто лет, если её не трогать.

— Не просидит. Её ветер убьёт. Изнутри, через щели.

— То есть ты хочешь её спасти от ветра?

— Я хочу её научить с ним жить.

Даша промолчала, потому что на это ответить было нечем. На Дашиных курсах не учили отвечать на такое.

Через стену вдруг потянуло холодом, резким, будто открыли дверь в подвал. Бим вскочил с пола, покрутился, ткнулся ей в колени. Даша встала, вышла наружу и посмотрела на запад. Белая макушка стала серой, а основание чёрным, и над перевалом уже ходили длинные белёсые полосы.

— Бросай рулетку, — сказала она. — Бери тубус. Быстро.

Град начался без предупреждения. Сперва по камням ударило несколько звонких горошин, потом всё загрохотало разом, и мир превратился в белый гул. Куски льда величиной с лесной орех прыгали по плитам и летели в проём. Даша втащила Илью за рукав в единственный угол, где стропила ещё сходились со стеной. Бим залез под её колени и затих.

— Сюда! Прижмись! Не высовывайся!

— Я прижат, — сказал Илья ей в плечо. — Дальше некуда.

Они сидели на корточках, спина к спине, потом боком, потому что так было теплее. Куртка у него намокла, и мокрая ткань прилипла к её руке. Он держал тубус на коленях и закрывал его собой.

— Что там? — спросила Даша. — Диплом?

— Чертежи Рыкова. Он снимал приют в семьдесят третьем. Единственный экземпляр.

— Ты тащил единственный экземпляр на перевал в кроссовках?

— Ты меня ругаешь уже третий раз.

— Считаю.

Град бил по шиферу, по стропилам, по зубьям скал, и в проёме над головой мелькало серое небо. Крыша держала. Даша прислушивалась, как она держит, и нехотя признавала, что звучит это ровно.

— Видите, — сказал Илья, будто услышал её мысль. — Прогон выдержал. Левый скат выдержал. Это же не доски, это лиственница.

— Ты ещё и по-лиственничному разговариваешь?

— Я просто рад.

— Рад тому, что нас засыпает льдом?

— Рад, что ты перешла на «ты» ещё на втором.

Она повернула голову. Он смотрел не на неё, а в проём, и профиль у него был острый, с мокрой прядью на виске.

— Ты всё время сводишь брови, — сказал он. — Даже когда я молчу.

— Когда ты молчишь, я свожу их от радости.

— Вот видишь. Значит, можно было и раньше помолчать.

Она фыркнула, и от этого стало вдруг легче. Рядом стучал град, пахло мокрой шерстью и мокрым камнем, и плечо у неё горело там, где в него упиралось его плечо. Это была не нежность. Она злилась, и злость почему-то грела.

Через двадцать минут грохот ослаб и сменился сеющим дождём. Даша встала, отряхнулась и посмотрела на его ноги. Кроссовки превратились в два серых комка.

— Снимай.

— Что?

— Снимай, говорю. И носки. Они мокрые.

— Они… — начал он.

Она вытащила из рюкзака шерстяные носки, которые связала мама, толстые, серые, с красной полосой, и бросила ему на колени.

— Надень. Не хватало мне тебя вниз на себе тащить.

— Я бы не просил.

— Знаю. Поэтому и даю.

Вечером на кухне у Ланских пахло луком и тёплым хлебом. Илья сидел за столом в чужих носках и вертел в руке кружку, на которой была отбита ручка. Роман, облокотившись, смотрел на него, как смотрят на хорошую находку, а Даша стояла у плиты и делала вид, что греет воду.

— Значит, лиственница живая, — сказал Роман.

— Живая. Прогон надо менять только в двух местах, остальное усилить. Кровлю — заново, лучше в два слоя, с вентиляцией по коньку. Печь переложить. Фундамент хороший, сухой.

— И сколько это стоит?

— Много. Но можно часть сделать руками.

— Чьими?

— Тех, кто захочет.

Роман откинулся на стуле и посмотрел на сестру.

— Дашка, как думаешь, захотим?

— Не знаю, — сказала Даша. — У нас нет денег на архитекторов.

— А он не за деньги, — сказал Роман. — Он у нас идейный. Правда, Илья? Ты же хочешь не рисовать, а построить.

— Хочу, — сказал Илья. — Но я на неделю. У меня защита в январе, и мне надо вернуться к…

— К чему? — спросил Роман. — К макету из картона?

— К куратору.

— Куратор подождёт. А приют не ждёт. Он уже сорок лет ждёт. Знаешь, как в строительстве говорят? Красивый фасад — это полдела. Главное — чтобы стены не гнили изнутри. Приют как раз такой: снаружи руина, а внутри лиственница звенит. Такое не бросают.

— Рома, — сказала Даша.

— Что? Я предлагаю человеку остаться на лето. Он поправит крышу, мы дадим людей, бригаду, материал. Отец не откажет.

Отец вошёл как раз в этот момент. Он снимал куртку на ходу, крупный, с седой щетиной, и от него пахло дымом и мокрой собакой. Левая рука была в порядке, ни дрожи, ни скованности. Ему было пятьдесят два, и он ещё ходил на Седловину без колена.

— Что за совет? — спросил он.

— Про Кара-Таш, — сказал Роман. — Илья говорит, лиственница живая. Хочу, чтобы он остался и поправил приют.

Виктор Андреевич посмотрел на Илью. Взгляд у него был прямой и долгий, как у человека, который привык оценивать, выдержит ли склон.

— Сколько тебе лет?

— Двадцать три.

— Ты из Новосибирска?

— Да.

— Зачем тебе наш приют?

Илья помолчал. Даша заметила, что он не стал придумывать красивый ответ.

— Потому что там крыша держит ветер, — сказал он. — Пока ещё держит. Я хочу, чтобы держала дальше.

Виктор Андреевич кивнул и протянул руку. Илья встал, чтобы пожать. Рука была тёплая, шершавая, тяжёлая.

— Крышу за лето сделаем, — сказал Виктор Андреевич. — Лес и железо дам. Людей Роман выделит. Живи в доме, спишь на втором этаже. Харчи у Галины.

— Я не хотел бы стеснять.

— Ты не стеснишь. Дашка, найди ему сапоги.

Даша поставила чайник на стол с таким стуком, что подскочили чашки.

— Сапоги у нас сорок четвёртого размера, — сказала она. — Ему не подойдут.

— Подойдут с двумя носками, — сказал Роман.

— Тогда пусть покупает свои.

— Дашка.

— Что?

— Ты улыбаешься.

— Я не улыбаюсь. Я сердита.

— Ну да, — сказал Роман. — Это у тебя одно и то же.

Лето не кончилось ни через неделю, ни через две. Оно растянулось на июль, на август, на сентябрьские заморозки, и никто не мог бы сказать, в какой день «на неделю» превратилось в «останусь». Илья таскал листы шифера на горбу, забивал гвозди, спорил с плотниками, ругался с лесовозом, который два раза привёз не тот сорт. Руки у него покрылись мозолями, а потом мозоли огрубели. К октябрю он ходил по тропе в ботинках, которые выбрала ему Даша, и ни разу не жаловался.

Накануне отъезда в Новосибирск он зашёл на базу попрощаться. В штабе горела лампа. Виктор Андреевич сидел за столом, подшивая что-то в папку, на стене за его спиной висело правило, а на крючке у двери висела куртка.

— Уезжаешь, — сказал Виктор Андреевич, не поднимая головы.

— До весны. Диплом защитить и вернуться. Крышу закрыли, но внутри ещё работы на год.

— Знаю.

Илья помолчал. Он хотел сказать «спасибо», но слово показалось ему мелким для этого человека.

— Я к вам вернусь, — сказал он.

— Вернёшься, — согласился Виктор Андреевич. Он закрыл папку, поднялся и подошёл к окну, где в сумерках проступал тёмный, почти чёрный силуэт Шаманки. — Слушай.

— Да?

— Всё, что строишь в горах, должно простоять дольше тебя. Запомни.

Илья посмотрел на широкую спину, на седой затылок. Он запомнил, хотя ещё не понимал, что запоминает.

Восемнадцатое января. Снег скрипел под лыжами ровно, как счёт: раз, два, раз, два. Воздух был сухой и колкий, в нём не оставалось ни запаха, ни звука, кроме этого скрипа. На груди, под курткой, лежала рация, и в рации щёлкнуло, и голос сказал несколько слов.

Он повернул ручку громкости до упора влево. Голос звучал всё равно.

Глава 5. Пять пар лыж

Утро на нижней станции выдалось таким тихим, что было слышно, как потрескивает вагончик геодезистов. Минус четырнадцать, небо без единого облака, и Шаманка стояла над площадкой вся целиком: белая, с синими тенями в складках цирка.

Даша выстроила их у вагончика в ряд. Буран сидел у её ноги и смотрел на каждого по очереди, будто считал.

— Датчики. Включить, режим передачи. По одному.

Эльвира достала свой из чехла, ещё с биркой. Олег включил, не глядя, одним движением, и подмигнул собаке. Илья вытащил из рюкзака прибор, потёртый на углах, с ремнём, залоснившимся от рук.

— Эта модель снята с производства, — сказала Даша.

— Работает.

— Работает — не довод.

Она прошла вдоль ряда со своим прибором в режиме поиска. Приборы отзывались по очереди: писк, писк, писк. Илья отозвался ровно и чисто, даже на пяти метрах.

— Батарейки?

— Вчера менял.

— Лопата.

Он показал. Алюминиевая, ручка телескопом. Щуп в чехле собрал за три секунды, и сделал это так, что придраться было не к чему. Её это раздражило сильнее, чем если бы нашлось к чему.

— Откуда комплект?

— Купил в ноябре. С рук. — Он поправил лямку. — Новому я не верю, пока его не обкатали.

— Разумно, — сказала Даша тем тоном, каким говорят «вас не спрашивали». — Теперь вы.

Эльвира стояла в чёрном пуховике строгого кроя и в ботинках, которые годились для набережной. Даша опустила взгляд на подошву, потом вернула его на лицо.

— Это что?

— Обувь.

— Подошва тоньше моего пальца. Через час ступней не будет.

— Я собиралась остаться внизу.

— Внизу остаётся тот, кто не идёт. Вы идёте, потому что вам отвечать за людей под этим склоном. В вагончике прокатные, сороковой размер.

— У меня тридцать девятый.

— Два носка, — сказала Даша.

Илья отвернулся и стал внимательно рассматривать вешки с красными лентами. Даша на него не смотрела.

Эльвира выдержала её взгляд, сказала «Хорошо» так, будто это она отдала распоряжение, и ушла в вагончик. Олег Сомов, до этого стоявший как на параде, кивнул на свой снегоход у вагончика и сказал с удовольствием:

— Не удивляйся, это мой. Службе безопасности курорта положено знать, куда водят гостей.

— Курорта нет. Безопасность моя.

— Пока нет. Зато, Даш, смотри, какое совпадение: у тебя Буран и у меня Буран. — Он кивнул на свой снегоход, старый, с облупленной надписью на капоте. — Два Бурана на один склон. Ты уж не ревнуй.

— Мой Буран ходит сам, — сказала Даша. — Твой стоит здесь.

Пёс посмотрел на Олега, отвернулся и лёг на снег у ног Ильи. Даша заметила это и сказала «Рядом» чуть резче, чем собиралась.

На Седловину поднимались три часа, по гребневой тропе, на лыжах с пристёгнутыми «шкурами». Даша шла первой и торила след, Буран бежал сбоку, не отставая и не вырываясь. За ней шёл Илья, потом Эльвира, которая молчала и дышала ртом, и замыкал Олег, не умолкавший ни на минуту.

— Вот вы, архитекторы, любите говорить «вписать в ландшафт». А ландшафту-то безразлично. Он живой, он сходит. Мы его просто должны опередить.

— Олег, береги дыхание, — сказала Даша, не оборачиваясь.

— У меня запас. Я о другом. Склон копит снег, как человек копит обиду. Если ждать, пока он выплеснется сам, выплеснется на кого-то. А если дать ему повод заранее, контролируемо...

— Зарядом.

— Зарядом. Активное воздействие. На всех курортах мира так и делают.

— На всех курортах мира первым делом измеряют, что в склоне лежит. А потом уже стреляют.

— Измеряй, кто спорит. Только не слишком долго, Даш. У людей деньги стоят.

На метеопосту Седловины, у будки с флюгером и мачтой, Даша сбросила рюкзак и достала бинокль. Отсюда цирк открывался весь: огромная чаша, вырубленная в боку Шаманки, с четырьмя языками снега, сползавшими к лесу. Она подождала, пока Эльвира отдышится и подойдёт.

— Четыре очага. Левый, первый, узкий лоток. Раз в пятнадцать лет, не чаще. Второй пока тихий. Четвёртый длинный, самый ленивый, но у него самая большая масса. А посередине...

— Третий, — сказал Илья.

— Третий. Кривая Падь. — Она протянула ему бинокль, не глядя. — Видите линию над каменным поясом?

Он смотрел долго. Тёмная полоска шла поперёк склона, ровная, как проведённая по линейке. Над ней снег стоял ступенью, высотой в человеческую грудь.

— Линия отрыва, — сказал он. — Свежая.

— Позавчера ночью. Сошла сама, никто не толкал. Объёмом небольшая, до пояса не дошла, завис язык на сорока градусах. Но смотрите, где остановилась. Метров семьсот от нижней станции вашей канатки.

Эльвира взяла бинокль, посмотрела и вернула.

— Это входит в расчёт?

— Это входит в реальность, — ответила Даша. — Расчёт будет потом.

Шурф копали на ровной полке в стороне от стока, метрах в ста от будки. Даша выбрала место сама, проткнула щупом, убедилась, что под ногами нет пустот, и вонзила лопату.

— Копаем до земли. Стенку делаем ровную, без наклона. Вы со мной.

— Я копал, — сказал Илья.

— Все копали. Снег выбрасывайте в сторону, не под ноги. Здесь не огород.

Он копал молча, не отставая, и через десять минут перед ними стояла чистая вертикальная стена, метр десять глубиной, с голубоватым срезом. Эльвира и Олег подошли к краю и смотрели вниз, как зрители на дне арены.

Даша опустилась на колено, достала из кармана линейку, лупу-карточку и щётку.

— Слой найди, — сказала она и не стала поправляться на «вы».

Илья присел напротив. Он провёл ладонью в перчатке вдоль стенки снизу вверх, не торопясь, останавливаясь и надавливая.

Он остановился почти у самой земли.

— Здесь. Сорок сантиметров от земли. Кубки. — Он поскрёб пальцем, и снег осыпался сухой крупой, без всякой связи, как соль. — Как всегда.

Даша не двинулась.

— Откуда «как всегда»?

— Ты сама мне показывала. Тогда.

Слово попало между лопатками, точно между. Она смотрела на срез, на сахарную крупу, и видела не крупу, а ту осень: двадцать три ему было, ей восемнадцать, а они стояли на корточках над шурфом, и он спрашивал, почему под красивой плотной доской лежит рассыпанный сахар. Она отвечала тогда терпеливо, как никому.

— Я вас помню неученым, — сказала она.

— Я тоже.

— Значит, выучили без меня.

— Нет, — сказал Илья. — Не без тебя.

Она встала, отряхнула колено, взяла линейку.

— Сорок от земли, на глаз, — повторила она вслух, и Эльвира за её спиной подняла бровь. — Измеряю. Тридцать восемь. Вы ошиблись на два.

— Я знаю.

— Откуда?

— У меня рука привыкла к другому шурфу, — сказал он. — Там слой лежал ниже.

Она не спросила, где. Олег кашлянул и спросил, не пора ли обедать.

Обедали в затишье за будкой, сидя на сложенных вдоль стены рюкзаках. Даша разлила чай из термоса, раздала сухари и по куску сала. Эльвира взяла свой, посмотрела на него, как на договор с неясной подписью, и всё-таки съела.

— Ноги? — спросила Даша.

— Чувствую.

— Это не ответ. Пальцами шевелите.

Эльвира пошевелила. Лицо у неё не изменилось, но плечи чуть опустились.

— Тёплые. Прокат оказался надёжнее моей обуви.

— Прокат ходил по склону, а ваша стояла в витрине. Здесь ничему не верят за вид.

— Вы часто это повторяете?

— Каждый день. Иначе нельзя.

Олег, откинувшись на рюкзак, жевал сухарь и разглядывал цирк поверх стаканчика.

— А я бы не тянул. Вот сейчас, пока окно. Два заряда на гребень, и через неделю можно ставить опоры.

— Сейчас ты подвинешься, — сказала Даша. — Сидишь на моей сумке с шурфовым набором.

Он поднялся, вытащил сумку и подал ей с таким поклоном, что Эльвира едва заметно усмехнулась.

— Вы всерьёз считаете, что склон можно уговорить зарядом? — спросила она.

— Не уговорить. Поставить в известность. Это самый короткий разговор.

— С горой не разговаривают, — сказала Даша. — Её слушают. Долго и не перебивая.

— Скучная профессия.

— Зато живые остаются.

Олег хмыкнул и спорить не стал, только отхлебнул чаю с видом человека, которому дадут слово на следующем совещании.

Илья ел стоя, чуть в стороне, и смотрел на гору. Не на всю, а на один её край, правый, где цирк уходил за каменные зубья.

— Что там? — спросила Эльвира.

— Ничего. Смотрю, как лежит снег.

— И как?

— Тихо. Это самое неприятное.

Даша подняла голову.

— Почему?

— Ты сама говорила: когда долго тихо, значит, копится. — Он помолчал. — Просто запомнилось.

Она не ответила. Допила чай, закрутила крышку и коротко свистнула Бурану, который уже стоял на лапах и смотрел на неё с укором, как на человека, потерявшего время.

— Десять минут, и спускаемся. Светлого времени мало.

Эльвира встала первой. Потопала ногой, проверяя ботинок, и, проходя мимо Даши, сказала так тихо, что услышала только она:

— Спасибо за носки.

— Не за что. Рюкзак у вас перекошен слева, поправьте лямку.

Перед спуском Даша закрепила перила на скальном выступе у края гребня. Ниже будки шёл старый осевший карниз, и там она не пускала никого без страховки, сколько бы он ни казался безопасным.

— По одному, каждый на усе. Карабин вот сюда, щёлкнуть до упора и проверить пальцем. Я проверю после вас.

— Ты всегда всех проверяешь? — спросил Олег, возясь с обвязкой.

— Тех, кто лезет на мой склон. Затяни подвеску, у тебя болтается.

Эльвира справилась со второго раза. Даша подёргала узел, перекинула петлю и молча кивнула. Олег пошёл, насвистывая, и она осмотрела его карабин с таким видом, будто ждала подвоха. Подвоха не нашлось.

Илья ждал последним. Он уже стоял в обвязке, и узел на груди был завязан так, как вязали в отряде, с контрольной петлёй, которую давно никто не вяжет. Даша взялась за него обеими руками.

— Кто учил?

— Рома.

Она не отпустила узел. Пальцы сами прошли по всем виткам, один за другим, и она ничего не нашла.

— Контрольную петлю сейчас не вяжут. Говорят, лишний материал.

— Лишний материал, — согласился Илья, — зато видно, если кто-то затянул неправильно. Он говорил, что узел должен проверять не тот, кто его вязал.

— Он много чего говорил.

— Да.

Она выпустила верёвку и отступила на шаг. Ветер дёрнул кромку карниза, и сверху пересыпался сухой снег.

— Перчатки.

— Что?

— Левую расстегните. Хочу видеть, как у вас держится.

Он помедлил ровно столько, чтобы это заметила только она.

— Держится нормально.

— Я не спрашивала, нормально ли. Я сказала: перчатку.

Илья подтянул манжету, показал ей запястье и ладонь у самой кромки и снова закрыл. Даша успела увидеть только пальцы, серые от графита, и ремешок часов поверх. Ничего больше.

— Идите, — сказала она. — Идите ровно, не оглядываясь. Я за вами.

— Хорошо.

Он ушёл по перилам вниз, и она услышала, как щёлкнул карабин на втором упоре, чисто, без заминки. Буран, стоявший у её ноги, дёрнул ухом, но с места не двинулся.

— Рядом, — сказала Даша псу и сама не поняла, зачем это сказала, ведь он и так стоял рядом.

Спускались быстро. К Белой Плите вышли около четырёх, когда солнце уже ушло за гребень и снег из белого стал серо-голубым. Олег всю дорогу вниз рассказывал, как они на прошлом месте работы «положили» цирк двумя зарядами по сорок килограммов, и это было красиво, Даш, ты бы видела. Даша отвечала односложно. Эльвира катилась молча, неожиданно ловко, в прокатных ботинках, и на последнем повороте догнала Дашу.

— У вас ухо красное, — сказала Даша. — Шапку на уши.

— Спасибо.

— Это не забота. Это протокол.

Плита лежала у подножия конуса, там, где снег переходил в первую, редкую лиственничную поросль. Серый гранит, не мрамор, как думали приезжие: Виктор Андреевич не позволил мрамор. Имя и две даты, высеченные глубоко, чтобы не стёрлись ветром. Сверху лежал свежий снег, и по краю его кто-то уже расчистил рукой. Не кто-то: Галина. Она ходила сюда по средам.

Даша остановилась на краю расчищенной площадки и воткнула лыжные палки.

Илья подъехал последним. Он встал на два шага позади, снял лыжи, воткнул их торцом в снег и стянул шапку. Просто стянул, без жеста. Волосы встали на морозе, он не стал их приглаживать.

Олег открыл было рот.

— Не надо, — сказала Даша.

Он закрыл. Эльвира, до этого смотревшая на гранит, перевела взгляд на Илью и смотрела на него дольше, чем на плиту. Буран подошёл к Илье, лёг на снег и положил морду ему на ботинок.

Прошла минута. Тишина, только где-то в лесу осыпался снег с ветки.

— Шапку наденьте, — сказала Даша. — Минус пятнадцать будет к вечеру.

— Сейчас.

— Не сейчас. Вы же простынете, а у вас завтра встреча с партнёрами.

— У меня каждый день встречи с партнёрами, — сказал Илья и надел шапку. — Спасибо, что напомнила.

Она не поправила его на «ты».

Вечером того же дня, когда Шаманка пропала в синих сумерках, на базе пахло печкой и мокрой шерстью. Все собаки были накормлены, в штабе горела лампа, Тимур за столом чертил на карте маршруты следующей недели и прихлёбывал остывший чай.

— Ну? — спросил он, не поднимая головы. — Показала? Как архитектор?

— Слой нашёл за минуту.

— Хорошо. А ты говорила, нечем заняться.

— Тимур.

— Молчу.

Он допил чай, натянул шапку набок и вышел: вечерний объезд дороги был на нём.

Она сняла куртку, повесила рядом с красной лопатой на гвозде у двери и открыла нижний ящик стола, где с прошлой зимы лежала папка для траурного стенда. Восемнадцатое января приближалось, как приближался каждый год: сперва тихо, потом без передышки. Для стенда нужны были фотографии, и Галина просила не брать ту, где Рома в парадной форме. «Возьми, где смеётся».

Фотографий было много. Рома на соревнованиях, Рома с ледорубом, Рома с соседским щенком на плече. И одна, на обороте которой чьим-то синим фломастером, чужим почерком, было написано: «18.01.19, утро». Её распечатали потом, из чьего-то телефона, цвета пошли в зелень.

База, ограда вольера. Утро, ещё синее. Четверо у забора: Рома в центре, куртка нараспашку, смеётся, хоть и щурится. Серёга и Лёха по бокам, оба с красными мальчишескими лицами. Чуть левее, с краю, Илья в чужой куртке на два размера больше, и смотрит не в кадр, а мимо, на гору.

Она положила фотографию под лампу и стала рассматривать лыжи. Они стояли у ограды, воткнутые в сугроб носками вверх, ряд за рядом. Она посчитала. Потом посчитала ещё раз.

Пять пар.

Людей на фотографии четверо. Пять пар лыж.

Пятая пара стояла чуть в стороне от остальных, одиноко, и на ней налип снег гуще, чем на других, как будто их поставили раньше или забыли вовсе. Тёмные крепления, потёртые. Даша наклонилась к самой бумаге и не смогла понять про них ничего больше.

Она отодвинулась и потёрла глаза. Ромина запасная, конечно. Он всегда возил с собой две пары: тяжёлые для глубокого снега, лёгкие для наста. Смеялся, что «одна пара лыж — это одна жизнь, а надо иметь запасную». Он и в машину их кидал вдвоём, и на базе ставил рядом. Конечно. Что же ещё.

Она взяла синий маркер, чтобы отметить фотографию для стенда.

В рации на столе щёлкнуло, потом зашипело, и голос Тимура, не из штаба, а откуда-то снаружи, с ветром и гулом мотора, сказал совершенно без шуток:

— Скала, Скала, я «Топор». Сход на Лисьем повороте. Машина под завалом. Все в ружьё.

Даша была уже у двери, когда на краю стола качнулась и упала чашка, забытая Тимуром.

Глава 6. Лисий поворот

Ночь на двадцатое декабря. Фотография осталась под лампой. Даша на ходу смахнула её в ящик и задвинула коленом, маркер сунула в карман. Куртка висела на гвозде рядом с красной лопатой. Даша сорвала её, лопата качнулась и стукнула о стену, будто кто-то постучал изнутри.

На крыльце морозом ударило в лицо. Двадцать четыре ниже, воздух сухой, как стекло, ноздри слиплись с первого вдоха. Третьи сутки снег шёл не переставая, и теперь в свете фонаря над крыльцом висела одна колючая пыль. Дворник уже не чистил, он стоял у ворот с лопатой и ждал, что скажут.

Буран ждал у сетки вольера. Не лаял. Он знал, что такое «в ружьё», по хлопку двери, по запаху куртки, по шагам, которые стали короче и злее. Даша откинула щеколду.

— Рядом. В машину.

Из радиорубки доносился голос Палыча. Он сидел, придвинув микрофон обеими руками, чтобы не трясло, и говорил не в эфир, а станции:

— Ну не шипи, железка, ну не сегодня тебе шипеть. Дашенька, ты? Вахтовка заказчика, шестеро со смены. Плита с северного отрога, дорогу закрыло метров на сорок, машину снесло на откос. Тимур уже там, первым. Принял, жди… Галине Сергеевне я позвонил, амбулаторная выехала.

— Маячки у них были?

— Откуда, Дашенька? Буровики. Они не катаются, они бурят.

— Значит, щупы и собака, — сказала Даша. — Дай мне Орла.

— Орёл-1 едет. Уже. Он Урал выгнал, пока я рот открывал.

Урал стоял во дворе с работающим двигателем, выхлоп стелился по снегу белой полосой. Виктор Андреевич сидел за рулём в тулупе поверх формы, на щеках седая щетина, глаза выцветшие и ясные. Левую руку он держал на колене.

— Расчёт на конус, — сказал он, не дожидаясь вопроса. — Двенадцать человек, четыре щупа на каждого, два генератора, свет на штативах. Лёгкие сани и кислород с собой. Тимур даст границы по месту.

— Вы со мной?

— Я на повороте. В штабе. — Он кивнул на кузов, где у задней стенки был закреплён стол с рацией. — Выше дороги я не пойду. Ты знаешь.

— Знаю, — сказала Даша. — Колено.

Он посмотрел на неё одним коротким взглядом и включил передачу.

Лисий поворот брали в два приёма: сперва ущелье, где машина шла юзом по накатанной колее, потом серпантин, где слева уходила вниз чёрная щель и стоял обрывной туман. На двадцать втором километре дорога кончалась. Там, где вчера был асфальт под снегом, теперь поднималась серая стена с торчащими глыбами спрессованного снега. По ней уже шёл свет: два генератора рычали по краям, штативы бросали белые конусы на склон, и в этих конусах двигались фигуры в красных куртках.

Тимур встретил её у края завала. Шапка сбита набок, лицо чёрное от мороза, брови в инее.

— Плита сорок на восемьдесят, толщина по срезу до трёх метров. Вахтовку прижало к откосу правым боком, кабина цела. В салоне пятеро, водитель среди них, мы пробились через крышу. Двое сидят, трое лежат, но живые. Шестой был снаружи: курил на подножке, когда пошло.

— Курил на подножке, — повторила Даша. — Давно?

— Лавина в двадцать два двадцать, по словам пострадавших. Сейчас двадцать три десять. — Тимур дёрнул подбородком в сторону склона. — Нас здесь двенадцать. Верхний наблюдатель стоит на гребне, если что, даёт три свистка.

— Хорошо.

Она отстегнула поводок. Буран уже перебирал лапами, шерсть на загривке встала.

— Ищи.

Он пошёл по завалу, как идут по натянутому канату: нос опущен, хвост ровно, лапы вязли по грудь и выдёргивались. Даша шла сзади по следу и каждые десять метров разворачивалась проверить цепь. Спасатели стояли в линию, щуп в правой руке, левая на плече соседа: «шаг — щуп, шаг — щуп». Звук штанг о лёд был сухой и неприятный, как скребок по кастрюле.

Первых троих вытащили до полуночи. Четвёртого и пятого достали из-под сорванной крыши, они стучали сами, голоса у них были сорванные, слов не разобрать. Галина Сергеевна приехала на амбулаторной «буханке» и сразу пошла по цепочке с сумкой. На ходу кивнула Даше без слов. Тимур вёл счёт по головам, и когда на списке стало пять, а на бумаге шесть, он замолчал и перестал шутить, даже по привычке.

Буран работал у дальнего края, ближе к откосу. Он топтался, возвращался, нюхал, снова уходил. Ветер шёл вниз по склону, и Даша видела, что он берёт запах не прямо, а кругом, по дуге. Он знал: человек глубоко.

Свет фар сзади дрогнул в стене снежной пыли и погас. Даша обернулась.

Внизу, на дороге, у Урала, стоял чёрный внедорожник, севший правыми колёсами в наметённый на обочине вал. Он, видимо, пытался развернуться и увяз. Из машины вылезла Эльвира Горская в длинном светлом пальто, на каблуках. Вылезла, посмотрела на склон, на огни, на своё пальто, и осталась стоять у открытой дверцы. Рядом с ней оказался Илья. Он шёл вверх по обочине, оскальзываясь на целине, и остановился у края завала, где кончалась натянутая лента.

Даша спустилась к нему.

— Назад. Это оцепление.

— Мы ехали в Усть-Кайрык, — сказал Илья. — Дорога закрыта?

— Дорога закрыта. Вы видите.

— Сколько осталось?

— Один.

— Под чем?

Она не стала отвечать. Буран у дальнего края подал голос: низкий, хриплый лай, который она знала лучше собственного. Потом раскоп: лапы бросали снег назад, как лопасти. Даша повернулась к цепи.

— Нашёл! Щупы сюда! Тимур, сигнал!

Двое бросились на лай. Щуп вошёл в снег по рукоять, и ещё на тридцать сантиметров, и упёрся во что-то мягкое. Спасатель крикнул: «Есть!» На щупе остался кусочек оранжевой ткани.

— Лопаты! — крикнула Даша. — Два метра с лишним, нужна линия!

Лопат на склоне не хватало. Четыре сломались ещё на уплотнённой корке у вахтовки, остальные были заняты. Она увидела, как Илья быстро, без позволения, шагнул к сложенному у Урала штабелю, выдернул самую короткую, из тех, что держат на запас, и пошёл на лай.

— Кто вас звал? — сказала Даша ему в спину.

Он остановился. Лица она не видела, только плечи в тёмном пальто и тонкую шею над воротником.

— Ты же сама сказала: один остался.

Она хотела сказать «нельзя». Слово было готово. Но лай Бурана рвался уже без передышки, а время шло, и снег набивался в рот тому, кто лежал там, внизу.

— Встанете в линию, — сказала Даша. — Между Тимуром и мной. Что я скажу, то и делаете. Молча.

Яму копали ступенями, вниз по склону, чтобы выброшенный снег не падал обратно. Двое спереди, двое сзади, снег по цепочке назад. Тимур стоял справа, Даша слева, Илья между ними. Лопата в его руках сперва шла неровно, он слишком глубоко вгонял её в плотный слежавшийся снег, как вгоняют в землю на даче. Даша смотрела краем глаза.

— Лопату вдоль склона, не вглубь! — крикнула она. — Ты колодец роешь? Снег кидай вниз, не себе под ноги! Кто тебя учил?

— Ты, — сказал Илья. — И Роман.

Он сказал это ровно, не повернув головы, и лопата пошла вдоль склона, чисто и экономно, как будто она всегда так ходила. Имя брата вошло под рёбра, и боль пришла не сразу. Рядом выругался Тимур, и она не поняла, ей он или снегу.

— Копай, — сказала Даша.

Они прошли метр. Потом ещё. Мороз прихватил щёки, на ресницах нарос лёд, и она слизывала его языком, не отрываясь от снега. Буран метался на краю ямы, скулил и снова лаял. Подо льдом появилась тёмная полоса, потом оранжевый воротник с серебристой лентой.

— Руками! — сказала Даша. — Теперь руками, лопатами не трогать!

Она легла на живот на краю ямы и пошла вниз по плечам. Плечо, затылок, шапка-ушанка, набитая белым. Лицо под снегом, ниже. Тимур держал её за пояс. Рядом лёг Илья, на другой бок от неё, и вытянул руку вглубь.

Он стянул перчатку зубами и сунул её за пазуху. Голыми пальцами провёл по снегу, нащупал подбородок, потом губы. Согнул пальцы крючком и вычистил изо рта плотный снежный ком.

— Рот забит, — сказал он. — Нос тоже. Лёд на губах. Он не дышит.

— Тащим. Тимур, сани!

Человека вытянули из ямы за подмышки и, не давая упасть, перекатили на пластиковые сани. Лицо у него было серое, рот приоткрыт, на ресницах иней. Даша наклонилась. Дыхания не было, под пальцами на шее не было и пульса, только холод.

— Галина Сергеевна!

Галина уже бежала с дефибриллятором. Платок съехал, седые пряди прилипли к мокрому лбу. Она рухнула на колени рядом с санями, рванула молнию на куртке, налепила электроды.

— Не трогайте его. Анализирую… Разряд не рекомендован. Продолжайте массаж.

— Я, — сказала Даша.

— Я, — сказал Илья.

Они сказали одновременно. Даша глянула на него, потом на лежащего.

— Тридцать на два. Ты давишь, я дую. Меняемся через две минуты. Не сбивайся со счёта.

— Не собьюсь.

Он встал на колени, сложил ладони на груди бурильщика. Грудина подалась с хрустом, который она слышала десятки раз и к которому не привыкла. Илья считал вслух, тихо, но так ровно, что счёт держал и её дыхание:

— Раз, два, три, четыре…

Она сделала два вдоха в ледяной рот, на губах остался вкус железа и снега. Потом снова: «Раз, два…» Через две минуты поменялись. У Даши заныли плечи, но Илья шёл всё в том же темпе, как метроном. Над ними натужно рычали генераторы, цепь вокруг ждала, не уходила, и никто не шутил.

На пятнадцатой минуте Галина проверила пульс и покачала головой. На двадцатой — снова анализ, снова «разряд не рекомендован». Тимур принёс термоодеяло и накрыл ноги. Буран лёг на снег у самых саней и положил морду на лапы, подальше от рук, и не отвернулся.

— Фамилия на куртке? — спросила Галина, не отрываясь от шеи.

— Гимаев, — сказал Тимур.

— Гимаев! — крикнула Галина. — Слышишь? Рашид? Ну давай, давай, Гимаев!

Илья сменился на очередной двухминутке, и в паузе, пока Даша давила, он приложил голые пальцы к сонной артерии. Левую руку он поднёс к лампе, придвинутой на штативе, и Даша на секунду увидела её.

Безымянный и мизинец были другого цвета. Не белые и не красные, а восковые, с мёртвым блеском, как у кожи, которая когда-то сошла и выросла заново. Ногтей почти не было, остались две бугристые пластинки. Выше, на костяшках, тянулись рубцы. Это не от чертёжной доски и не от сигареты. Она видела такие на руках старых спасателей, которые зимой девяносто седьмого ночевали в снежных ямах.

— Давно? — спросила она, не прерывая счёта.

— Давно, — сказал Илья.

Больше он ничего не сказал. Он положил пальцы на шею Гимаева, и вдруг они застыли.

— Подожди. — Он прижал сильнее. — Галина Сергеевна.

Галина метнулась рукой. Подержала. Подвинула электроды.

— Есть, — сказала она. — Есть пульс. Слабый, но есть. Дышит. Господи. Тридцать четыре минуты. Дышит.

Бурильщик закашлялся. Кашель вышел хриплый, с хлюпаньем, изо рта пошла розовая пена вместе со снегом. Его повернули на бок, и он начал хватать воздух, как рыба, жадно и неровно. Тимур что-то бормотал на алтайском, кажется благодарил кого-то. Цепь за их спинами начала расходиться: кто-то хлопнул соседа по плечу, кто-то засмеялся без причины и осёкся.

Даша поднялась на ноги, и ноги не сразу её послушались.

Она посмотрела на левую руку Ильи. Он уже натягивал перчатку и не сумел застегнуть липучку: пальцы не слушались.

Значит, он действительно был спасателем. Был там, на склоне, в январе. Был не только человеком, который повёл. Он копал.

Она не знала, что с этим делать.

Гимаева унесли в «буханку». Галина осталась с ним, захлопнув дверцу, и через стекло было видно, как она держит кислородную маску обеими руками. Остальных пятерых уложили в дежурный автобус отряда, подогнанный к краю завала, и повезли в амбулаторию. Дорогу расчистят к утру, тогда уже в Усть-Кайрык, в больницу, всех сразу.

К Уралу Даша вернулась в третьем часу ночи. Мороз стал злее, градусник на стойке показывал минус двадцать шесть. Тимур сидел на подножке и пил чай из термоса, держа крышку обеими руками, чтобы не расплескать. Пальцы у него дрожали.

— Шестеро, — сказал он. — Шесть из шести. Слушай, ты мне объясни: так бывает?

— Бывает. Раз в пять лет.

— Тогда я хочу, чтобы у нас было каждый пятый год по такому.

— Тимур.

— Всё, молчу.

Она подошла к кабине. Виктор Андреевич стоял у открытой дверцы, в свете салонной лампы его лицо казалось вырезанным из серой бумаги. Рация на столе в кузове потрескивала. Он слушал её с закрытыми глазами, левая рука дрожала на ободе дверцы, и он перехватил её правой, как перехватывают чужую.

— Докладываю, — сказала Даша. — Шесть из шести. Гимаев тридцать четыре минуты, пульс восстановлен. Остальные в амбулатории.

— Слышал, — сказал отец. — Хорошо отработали. Собаку отметь.

— Отмечу.

Со склона спускался Илья. Он нёс лопату на плече, как носят после работы, и шёл медленно, разминая левую руку. Эльвира ждала внизу, в пальто, заметенном до колен, и Даша только сейчас сообразила, что она ждала всё это время: молча, не жалуясь, не уходя в тёплую машину. Он обошёл Урал и остановился в трёх шагах от Виктора Андреевича, чтобы положить лопату на штабель.

— Корнеев, — сказал отец.

Илья поднял голову.

— Отойди от места работ.

Голос был ровный, командирский. Тот самый, с каким он по утрам читал вслух правило со стены. Илья положил лопату, выпрямился и отступил на два шага назад, ровно на два, не больше.

И тогда отец кивнул.

Тихо, коротко, подбородком вниз, и мгновенно вверх. Так кивают должнику. Даша видела кивок, но не понимала его. Илья принял его молча и пошёл к машине Эльвиры.

Даша стояла у борта Урала с погасшим фонарём в руке и смотрела то на отца, то на удаляющуюся спину в тёмном пальто. Она знала каждую складку на отцовской щеке. Она не знала, за что Виктор Ланской, начальник отряда, кивает человеку, который восемь лет назад повёл ребят на склон.

Левая рука отца всё ещё дрожала на дверце. Он не прятал её.

Глава 7. Тридцать первое

Зимина приехала на планёрку к десяти, хотя планёрки в отряде всегда были в восемь. Она вошла в штаб в светлом пальто, которое здесь, на ул. Горной, смотрелось как чистая скатерть на оружейном столе. Очки на цепочке покачивались у груди. В руках была папка с резинкой.

Четырнадцать человек сидели на лавках вдоль стен. Печка в углу гудела, пахло мокрой шерстью и кофе из общего термоса. Над столом висела табличка, которую не снимали с девяносто восьмого: «Ведущий отвечает за группу». Зимина встала под ней и сняла резинку с папки.

— Я не буду тянуть, — сказала она. — Вы все, конечно, слышали. Но лучше от меня, чем из коридора.

Она читала ровно, без интонаций, как читают чужой текст. Постановление районной администрации. Реорганизация. С первого января две тысячи двадцать восьмого года отряд «Ак-Тал» включается в состав районной спасательной службы с базой в Усть-Кайрыке. Штат — шесть единиц. Служебные собаки передаются по решению службы.

— Передаются, — повторил Тимур. — Как мебель.

— Тимур, — сказал отец.

— Молчу, Виктор Андреевич.

Отец сидел во главе стола и смотрел на столешницу. Левая рука лежала под правой. Когда Зимина закончила, он поднял глаза и сказал: «Ясно. Вопросы — по службе», и никто ничего не спросил. Только Палыч кашлянул в углу и зашуршал фантиком от леденца.

Даша встала.

— До Усть-Кайрыка девяносто четыре километра, и Лисий поворот посередине. В метель дорогу закрывают. Как новая служба туда доберётся?

— Предусмотрен выездной пост, — сказала Зимина.

— Пост будет на той стороне завала. Мы вытащили шестерых потому, что стояли на этой.

— Дарья Викторовна, мы обсудим отдельно.

— Обсудим, — сказала Даша и села.

В коридоре Зимина догнала её у вольера. Буран поднялся ей навстречу, ткнулся носом в ладонь Даши и лёг обратно, повернувшись спиной к чужой. Зимина сделала вид, что не заметила.

— Я хочу, чтобы вы поняли, — сказала она тише. — Курорт — это двести рабочих мест. Это бюджет, из которого платят и вашим ставкам. Я не прошу вас подписывать то, что нельзя. Я прошу не рубить сплеча. Давайте без крайностей.

— Склон не торгуется.

— А вы?

Даша посмотрела на собаку. Буран положил морду на лапы и прикрыл глаза.

— Шестого достал Корнеев, — сказала она. — Бурильщика, тридцать четыре минуты. Я стояла в трёх шагах и ничего ему не сказала. Это вам зачем?

— Мне незачем. — Зимина поправила очки на цепочке. — Но в посёлке говорят. И я хотела услышать от вас.

— Теперь услышали.

— Вы не рады.

— А должна?

Зимина не ответила. Она ушла по коридору, и каблуки стучали по линолеуму ровно, будто она заранее решила, что разговор прошёл хорошо.

К четырём штаб превратился в праздничный зал. Тимур притащил из дома две раскладные столешницы, его сестра Айгуль поставила на них четыре огромных блюда с мясом и пиро-

гами. На шкафу с картами стояла ёлка из пихтовых лап, воткнутых в ведро с песком, и на ней висели карабины вместо шаров. Кто-то прицепил сверху фонарь-налобник, и он горел зелёным.

Тарасов приехал в половине пятого, с двумя помощниками и ящиком. Он снял шапку на пороге, и седые волосы лежали ровно, как будто он не шёл по морозу двадцать метров. Он пожал руку каждому. Даше досталась рука крепкая и тёплая.

— Дарья Викторовна. С наступающим. Я слышал про Лисий поворот. Горжусь, что вы у нас в команде.

— Я не в вашей команде.

— Значит, мы в вашей. — Он улыбнулся. — Так даже лучше.

Он встал у стола, поднял стакан с морсом. Ящик стоял у его ног.

— Друзья. Я не люблю длинных речей. Скажу так: вы спасли шестерых в минус двадцать четыре. Это не «оптимизируется». Это не сокращается. Я хочу, чтобы эти люди работали в нормальных условиях. — Он кивнул помощнику, тот открыл ящик. — Двенадцать радиостанций нового образца. Цифровые, защищённые, с датчиком положения. А с весны будет база. Настоящая, с ратраком и вертолётной площадкой. Я обещаю вам большую жизнь.

Захлопали. Тимур присвистнул. Олег Сомов, в куртке службы безопасности курорта, стоял у двери с таким видом, как будто это была его заслуга.

Отец взял радиостанцию. Повертел в руках, нажал на тангенту, послушал, как пискнуло в динамике. Лицо у него было такое, с каким берут подарок, о котором знают, что он оплачен.

— Спасибо, Арсений Вадимович.

— Это вам спасибо, Виктор Андреевич.

В углу Палыч гладил по крышке свою старую «Скалу» и шептал:

— Не слушай, не слушай, ты у меня лучшая, вот же ж железка, опять шипит… Пошумят и забудут.

— Палыч, вам пельмени накладывать? — спросила Даша.

— Накладывай, Дашенька. И бульон. Горло.

Тарасов обошёл стол и остановился рядом с ней. Говорил негромко, глядя на ёлку.

— Красивый склон — это вызов, Дарья Викторовна. Людей, которые умеют его слышать, я ценю. Таких людей мало.

— Это я заметила.

— Вы мне нравитесь. Не всякий осмелится. — Он коснулся её локтя двумя пальцами и ушёл к Зиминой.

Эльвира сидела на лавке у окна с бокалом воды. Она ничего не сказала. Только взглянула на Дашу, потом на отца, потом снова на воду. Взгляд был такой, как будто она сверяла два листа одного чертежа.

К девяти Даша была дома. Окна в родительском доме светились жёлтым, над трубой стоял ровный дымок, и сугроб у крыльца был подметён до плит. Мать так делала только к гостям.

В прихожей пахло пирогами и сырой овчиной. На вешалке, рядом с отцовской курткой, висело тёмное пальто. Даша узнала его сразу.

Она сняла ботинки, прошла в большую комнату. Стол был накрыт белой скатертью. Четыре тарелки. Четыре вилки. Четыре стопки, хотя пить никто в этом доме не пил с января девятнадцатого.

Илья поднялся со стула у окна. На нём был серый свитер, чистый, но заношенный на локтях.

— Здравствуйте, — сказала Даша.

— Здравствуй, Даша.

— Дашенька! — Галина вышла из кухни с миской салата. — Мой руки, всё горячее. Я Илюшу на Лисьем поймала, ну, когда мы возвращались, и сказала: «Приходи тридцать первого, не вздумай один». Он замёрзший был, как сосулька.

— Мам.

— Что?

— Ничего.

Отец сидел во главе стола, сложив руки на скатерти. Левую он накрыл правой. На Дашу посмотрел один раз и тут же уставился на хлебницу.

Сели. Галина разложила пельмени, наливала бульон, подвигала всем сметану. Говорила много, и все её фразы были про еду. Про то, что тесто сегодня не подошло, что мясо брали у Нуркена, что горчицу пора менять, она горчит.

— Илюша, тебе ещё. Съешь. Ты худой.

— Спасибо, Галина Сергеевна. Достаточно.

— Тебе не достаточно. Дашенька, подай ему.

Даша подала. Пельмени шлёпнулись в тарелку, брызнул бульон. Илья молча вытер скатерть салфеткой.

— Виктор Андреевич, — сказал он. — Спасибо за приглашение.

— Не я приглашал, — сказал отец. — Соль.

Илья передал соль. Отец принял её правой, поставил возле тарелки и больше не касался. За окном где-то в посёлке хлопнула первая петарда, потом ещё. Лампочка в люстре дрогнула.

— Дети запускают, — сказала Галина. — Рано. Нет бы дождаться.

Никто не ответил. Звякнули вилки. Даша заметила, что мать смотрит на Илью, и смотрит так, как смотрят на человека, которого не видели много лет и боятся, что он снова исчезнет. Она хотела сказать что-нибудь резкое. Слово лежало на языке, готовое, и она знала, что если выпустит его, то оно полетит в стол, в скатерть, в четыре тарелки.

— Мам. Можно тебя на минуту.

Кухня была маленькая. На плите стояла кастрюля с компотом, на подоконнике сохли вязаные носки, которые Галина начала ещё в декабре и всё не могла доделать. Даша закрыла дверь и прислонилась к ней спиной.

— Ты его позвала.

— Позвала.

— Мне не сказала.

— Ты бы не пришла.

— Я пришла бы. Просто не так. — Даша посмотрела на носки на подоконнике. — Мам, он восемь лет здесь не был. Отец с ним сидит за одним столом и молчит как дерево. А ты ему тарелку накладываешь.

— Он худой.

— Мам! — Голос сорвался, она не ждала этого. — Ты что, ему благодарна?

Галина стояла у плиты. Руки у неё были мокрые, она вытирала их о передник и не могла вытереть. Потом перестала.

— Я ему должна, Даша. За то, что он сделал в тот день.

Даша прищурилась, как всегда, когда не верила в первый ответ.

— В какой день?

— В тот.

За стеной звякнула посуда. Кто-то отодвинул стул. Даша смотрела на мать и видела её красные от недосыпа глаза, седую прядь, выбившуюся из-под платка, мягкие руки, привыкшие к чужой боли.

— Ты про ребят, — сказала она медленно. — Про Серёгу с Лёхой. Что он их достал, пока… пока Рома.

Галина открыла рот. Закрыла. Потом взяла со стола полотенце и аккуратно сложила его вчетверо.

— Хлеб порежь, — сказала она. — Я забыла.

— Мам.

— Дашенька, порежь хлеб.

Даша взяла нож. Хлеб был тёплый, мякиш поддавался легко. Она резала ровными ломтями и не смотрела на мать.

— Я понимаю, — сказала она. — Я тоже сегодня сказала Зиминой. Что шестого он вытащил. Что я стояла рядом. Это правда. Только пусть он не думает, что мы ему теперь…

Дверь открылась. В проёме стоял отец. Он был без кителя, в одной рубашке, и руки висели вдоль тела. Он не слушал. Просто стоял.

— Витя, — сказала Галина.

— Подышу, — сказал он.

Он прошёл мимо Даши в сени. Хлопнула дверь на улицу. В щель потянуло морозом, острым. Из большой комнаты донёсся голос Ильи, тихий:

— Галина Сергеевна, мне, наверное, пора.

— Нет, — сказала Галина, не повышая голоса. — Сядь. Сейчас будет пирог.

Она вынула из духовки противень, и кухня наполнилась запахом капусты. Даша стояла с ножом в руке и смотрела на закрытую дверь. За ней, во дворе, темнел силуэт. Отец без куртки стоял посреди снега и смотрел вверх.

Илья ушёл в одиннадцатом часу. Даша взяла куртку и вышла следом, не сказав ни слова. Мать проводила её взглядом из окна кухни.

На улице было тихо, как бывает только ближе к ночи в долине. Из-за реки доносились хлопки, и над долиной на секунду зажглось и погасло зелёное. Мороз стоял градусов двадцать, снег скрипел под ногами. Она догнала его на мосту.

Мост через Ак-Суу был старый, деревянный, с перилами, покрытыми инеем. Под ним лежала чёрная вода, лёд стоял только у берегов и тянулся белыми языками. Илья остановился посередине, привалился к перилам и смотрел вниз. Его ботинки, городские, на тонкой подошве, оставляли на снегу мелкие следы.

— Корнеев.

Он обернулся.

— Не спешите, — сказала она. — Мне нужно с вами поговорить.

— Я слушаю.

Она подошла и встала рядом, на расстоянии вытянутой руки. Пахло рекой и дымом. Шаманка висела над долиной, едва различимая, светлое на тёмном.

— Заключение я буду писать по полному циклу. Шурфы раз в десять дней, тесты, метеопост на Седловине. Первая серия — пятого января. Четыре точки в цирке.

— Я знаю. Ты говорила в Новосибирске по телефону…

— Не перебивайте. — Она помолчала. — Вы будете ходить на каждый шурф. Со мной. В каждую яму, на каждый траверс. Не наблюдать из машины, не слать эскизы по почте. На склон.

Илья повернул голову.

— Зачем?

— Затем что вы главный архитектор. Вы должны знать, что строите. — Она сказала это быстро, как рапорт. И добавила уже тише, глядя на воду: — И затем что я хочу видеть тебя на склоне.

Он ничего не сказал. Где-то выше по течению ухнул лёд.

— Это условие? — спросил он.

— Это условие.

— Заказчик…

— Заказчику скажешь, что так положено. Или не скажешь. Мне всё равно.

— Хорошо.

Слишком быстро. Она повернулась к нему всем корпусом, чтобы проверить, не издевается ли. Лицо у него было спокойное, внимательное, как над чертежом.

— Это тебе не кабинет, — сказала она. — Одиннадцать километров на снегоходе, потом два часа на лыжах. Шурфы по шесть часов, на ветру. Я не буду тебя ждать. Не успеешь — отстанешь.

— Не отстану.

— Посмотри на обувь. — Она кивнула вниз. — Это ботинки для тротуара. На втором часу ты их не почувствуешь, а на третьем разуешься. У Тимура есть запасные, сорок третий?

— Сорок четвёртый.

— Вот сорок четвёртый и возьмёшь. Две пары носков. Шерсть, не синтетика.

— Спасибо, Даша.

Она отвернулась.

— Не за что. Это для дела.

— Конечно, — сказал он. — Для дела.

Она пошла к берегу, не оглядываясь. На середине моста остановилась, не поворачиваясь:

— Лопату возьмёшь свою. Не мою.

— Свою.

— Тогда пятого, в семь, у базы.

Снег скрипел под её шагами.

Дом уже спал. Гость ушёл, посуда была вымыта, на столе осталась только скатерть, сложенная пополам. В кухне горела лампа, и на подоконнике рядом с носками лежал недовязанный клубок.

Даша прошла через сени и в приоткрытую дверь увидела двор. Отец стоял у калитки. Он так и не надел куртку, только накинул на плечи старый тулуп, и сугроб у его ног был чистый, нетронутый. Над долиной, над крышами посёлка, одна за другой поднимались ракеты, но он не смотрел на них. Он смотрел выше, на тёмный склон.

Полночь пробили где-то в посёлке по радио. Петарды сыпались разом, с крыш, с огородов. Залаяла собака на соседнем дворе, потом другая.

Она вышла на крыльцо. Накинула куртку на плечи, подошла по расчищенной тропинке. Снег хрустел. Отец услышал, но не повернулся.

— С Новым годом, пап.

— С Новым годом, Даша.

— Простудишься.

— Не простужусь.

Они стояли рядом. От него пахло мокрой овчиной и застарелым табаком, въевшимся в тулуп ещё до девятнадцатого. Левая рука лежала на верхней планке калитки, и Даша видела, как она дрожит. Мелко, непрерывно. Он не прятал её и не перехватывал.

— Заключение, — сказал он.

— Что заключение?

— Ты будешь писать.

— Буду.

— По полному циклу.

— По полному.

Он молчал так долго, что где-то во дворе напротив успели догореть бенгальские огни. Шаманка стояла над ними, огромная и тихая, и на гребне у неё мерцала одинокая красная точка метеопоста.

— Подписывай по совести, дочка, — сказал он.

— Я всегда по совести.

— Знаю.

Он убрал руку с калитки, но она продолжала дрожать в воздухе. Он смотрел на склон, не мигая, будто ждал его ответа уже очень давно. Даша хотела спросить, но слово не пришло.

Она так и осталась стоять рядом, пока не прогорела последняя ракета.

Глава 8. Шурф

Пятого января в семь утра на градуснике у базы было минус двадцать два. Во дворе гудели два снегохода, из-под капота одного шёл пар. Буран сидел у вольера в полной сбруе и смотрел на ворота так, будто ждал, что их откроют по его просьбе.

Тимур вынес из каптёрки ботинки, держа их за шнурки двумя пальцами, как пойманную рыбу.

— Сорок четвёртый. Они помнят три сезона и один развод. Мой, не обижайся.

— Я не обижаюсь, — сказал Илья.

Он сидел на ступеньке крыльца и уже стягивал свои городские. Носки — шерстяные, серые — Даша выдала ему сама, молча, из ящика стола. Он натянул оба, потом ботинки, затянул шнуровку и встал. Притопнул. Даша наблюдала со стороны, пока проверяла рюкзак. Он не стал спрашивать, нормально ли сидит. Просто прошёл по двору туда и обратно, хромая на третьем шаге, а на пятом уже нет.

— Датчик, — сказала она.

— Выдали вчера.

— Надень. Поверх нижнего слоя, не поверх куртки. Включи.

Он надел. Она достала свой, переключила на приём, и прибор в её руке коротко пискнул, потом дал цифру: три метра сорок, направление прямо. Она сделала шаг в сторону, цифра поплыла.

— Работает. — Она переключила обратно на передачу. — Щуп?

— Триста двадцать.

— Лопата?

Он вытащил из чехла лопату, складную, алюминиевую, с чёрной рукоятью. Совсем новую, на ручке ещё держалась заводская наклейка. Даша взяла её, дёрнула за штырь, проверила фиксацию, повернула лезвие под девяносто. Всё держало. Вернула.

— Наклейку сними. Она на морозе слезает и забивает карабин.

— Сниму.

— Тимур, поедешь с нами до Седловины и вернёшься.

— Я знаю, что поеду, — сказал Тимур. — Я уже бензин залил. Дашка, ты прямо как мама, когда в школу отправляла. Шапку надень, лыжи не забудь.

— Моя мама мне шапку не проверяла.

— Зато бутерброд давала, — сказал он и подмигнул Илье. — А этот даст только график.

Даша не ответила. Она затянула липучки, прищёлкнула карабин на лямке Бурана и подняла руку. Пёс встал сразу, без команды.

Ехали по гребневой тропе, цепочкой: Тимур, потом она с Бураном на прицепных санках, потом Илья на втором снегоходе. Он сидел в седле неуклюже, но держал дистанцию ровно, не подрезал и не отставал. На Седловине они остановились у метеопоста: красная будка на ножках, анемометр, крутящийся на ветру, и мачта с обмёрзшими проводами. Даша сняла показания, вписала в журнал, ногтем сбила лёд с датчика температуры.

— Дальше лыжами, — сказала она.

Тимур развернул машину.

— Я вернусь в шесть. Если не придёте, я не буду искать.

— Будешь, — сказала она.

— Буду, — согласился он. — Но обижусь.

Верхняя кромка лежала на двух тысячах четырёхстах восьмидесяти метрах, под самым гребнем, где снег сдувало ветром до плотной корки и наметало обратно карнизами. Они под-

нялись к ней за два часа. Даша шла первой, держа ровный ход, и ни разу не обернулась. На подъёме Илья молчал и дышал через шарф. Когда она остановилась, чтобы выбрать место, он стоял в шести шагах позади и ждал, не подходя.

— Здесь, — сказала она. — Не на карнизе и не под ним. Ветер сюда не достаёт, стенка выйдет чистой. Копай.

— Куда?

— Вдоль склона. Не вглубь.

Он посмотрел на лопату и взялся. Начал с верхней кромки, снял блоки пласта аккуратно, как торт, отбросил в сторону, подальше от стенки. Даша стояла, скрестив руки, и ждала ошибки. Он копал ровно, не поддевая снизу, не заваливая яму на себя. Через сорок минут перед ними была вертикальная стена в два метра, гладкая, как стекло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.